

Александр Ралот

Байки старого мельника 2.0

Издательские решения
По лицензии Ridero
2015

УДК 82-3
ББК 84-4
Р20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ралот Александр
Р20 Байки старого мельника 2.0. — [б. м.] : Издательские решения,
2015. — 72 с. — ISBN 978-5-4474-3537-0

Не прошло и года, как увидела свет книга «Байки старого мельника», а знакомые и незнакомые читатели просят продолжить начатое. Неужто в твоей жизни, товарищ автор, ничего больше интересного не происходило? К сожалению, а скорее всего к счастью, происходило. Ой как много чего происходило. Чего греха таить, да и сейчас происходит. Я решил не только предложить вам истории, в которых я был самым что ни есть непосредственным участником, но и вставить сюда рассказы, не вошедшие в ранее изданные книги.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4474-3537-0

© Александр Ралот, 2015
© Александр Ралот, дизайн обложки, 2015

*Моей супруге Ольге Анатольевне, моему сыну
Сергею, моей дочери Дарье с благодарностью
за помощь в создании этой книги*

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

И куда только не бросала судьба Александра Ралота! По каким только ухабистым жизненным дорогам ему не пришлось пройти и проехать! То он строит новую мельницу в «маленьком уютном городке с гулким именем Каттаткурган» в Узбекистане, то пробует необыкновенные сыры в Каталонии и с восхищением восклицает: «Я на вершине блаженства!», то преподаёт в Ташкенте спец. дисциплины каракалпакской группе студентов в ВУЗе... В любом уголке нашей необъятной земли, куда бы не ступала уверенная нога впечатлительного и добродушного прозаика, необыкновенно компанейского и открытого человека, рождаются волнующие душу «Байки старого мельника». Истории одна за другой заставляют читателя побывать с Александром на зимней «Рыбалке на реке Тола» в Монголии и улыбнуться, а на Южном Сахалине бросают в забавную ситуацию на «Гусиной охоте» и удивляют умению писателя доступно и необычайно интересно излагать свои мысли на бумаге.

Мастерски написанные рассказы члена Московской Областной Организации Союза писателей России Александра Ралота (Петренко) – это невыдуманные истории из его богатой биографии. Ценность их заключается в том, что каждый эпизод этих историй прочувствован его добрым и отзывчивым сердцем. А рассказы, основанные на исторических фактах, говорят о незаурядной эрудиции писателя.

И я уверена, что серия книг «Байки старого мельника» обязательно продолжится, ибо нет такой силы, которая бы заставила замечательного прозаика Александра Ралота закрыть на замок кладезь его памяти.

*Елена Степура,
член МОО СП России,
член ЮР ТО «Серебро слов»*

ОТ АВТОРА

Не прошло ещё и года как увидела свет книга «Байки старого мельника», а друзья, знакомые и незнакомые читатели просят продолжить начатое. Неужто в твоей жизни, товарищ автор, ничего больше интересного не происходило? К сожалению, а скорее всего к счастью, происходило. Ой как много чего происходило. Чего греха таить, да и сейчас происходит. Однако в этой своей книге я решил не только предложить вам, дорогие мои читатели, истории в которых я был самым что ни есть непосредственным участником, но и предложить на ваш суд рассказы и эссе не вошедшие в мои ранее изданные книги.

АМУ-ДАРЬИНСКИЙ ВОЯЖ

Затерялась где-то в Средней Азии маленькая республика со странным именем Каракалпакия.

С юго-запада к ней вплотную подступает огромная пустыня Каракум, на северо-западе она граничит с плато Устьурт, а на северо-востоке, сами понимаете, уже её величество — пустыня Кызылкум. Есть там и река, и звать её Аму-Дарья. Не знаю как сейчас, но раньше она была вполне судоходная. Мало того, по ней проходила граница между Великим и могучим Советским Союзом и Республикой Афганистан.

В одно жаркое лето одна тысяча девятьсот восемьдесят..., впрочем это не важно. Короче занесло нас с товарищем в столицу этой самой Каракалпакии, в город Нукус. Работали мы там работали, и настало время покидать этот славный уголок, то есть убираться восвояси в четвёртый город союза — в Ташкент. Убираться из Нукуса можно двумя способами, а именно: на поезде через вышеупомянутые пустыни часов за 35–40 можно доехать или самолётом часа за полтора. Поскольку выбор средства передвижения напрашивался сам собой, то отправил я своего напарника — кстати звали его Акбор — в местное отделение единственной в то время авиакомпании с гордым названием «Аэро-флот».

Не было его долго, но под вечер Акбор таки появился. Радостный, сияющий как медный пряник.

— Выстоял! Купил, — устало произнёс он и протянул мне два заветных зелёных листка бумаги.

Сейчас мало кто помнит, но в те далёкие годы все авиабилеты по всей стране были почему-то зелёного цвета и кассирша ножницами вырезала напечатанную на них цифровую сетку, тем самым отмечая для покупателя, а в основном для его бухгалтерии, сколько десятков рублей и копеек данный гражданин за этот

билет уплатил.

Взглянул я на эти билеты и обомлел. Кроме изрезанной сетки на них ничего более обозначено не было. Ни тебе номера рейса, и даты, и времени вылета, ни даже фамилии пассажира, впрочем последнее для жителей Каракалпакии особо значения не имело.

— Акбор! — с ужасом в голосе воскликнул я. — Как же мы полетим по этим билетам, кто же нас вообще на борт пустит?!

— Да запросто пустят, — успокоил меня товарищ. — Здесь люди добрые, отзывчивые, они билеты всем желающим продают. Не улетим по ним завтра, значит улетим послезавтра или через неделю. Зачем почтенных людей тревожить, бегать в кассу переоформлять. Нам главное — в самолёт попасть; в него, как в автобус, всех пускают, а уже потом билеты проверяют, просто чтобы были.

На следующее утро мы поняли, что ни сегодня, ни завтра и вообще никогда из этого самого Нукуса не улетим.

Самолёт брали штурмом, с баулами, орущими чадами и даже с мелким домашним скотом. Портить межнациональные отношения и вступать в боевые действия с численно превосходящим контингентом коренной национальности мы никак не хотели, а посему понузив головы поплелись из аэропорта куда глаза глядят.

С горя пошли на речку, охладить свой пыл и морально приготовить себя к длительному переезду в душном вагоне через эти самые пустыни. Понятное дело, что тогда о каком-либо кондиционере в вагонах ещё и слыхом никто не слыхивал.

И тут меня осенило. Можно сказать шандарахнуло по башке, я даже обомлел от посетившей меня наглой мысли. А что если пароходом? Искушённый читатель, прочтя эти строки тот час же покрутит пальцем у виска и будет абсолютно прав. Аму-Дарья через Ташкент не течёт. Все верно — не течёт, зато она течёт через закрытый город Термез. Почему закрытый? — потому что там есть мост, соединяющий две страны, и вообще руководству лучше знать почему этот город закрытый. У нас в то время не то что города, целые области были закрытые, например Сахалин-

ская, о ней я вам как-нибудь в другой раз расскажу. Закрытость города заключалась в том, что въезд, влёт или wpływ в него был возможен только при наличии специального разрешения, каким-то там уполномоченным выдавшимся. Тем не менее, по той же схеме что и авиабилеты, нам билеты по маршруту Нукус-Термез на пароход имени какого-то партсъезда продали. Ни даты и времени отплытия, ни номера каюты, понятное дело, в билетах традиционно указано не было. Но главное было в другом, на пристани не было никакой очереди – то есть добираться пару суток до закрытого города Термеза желающих не наблюдалось. В своих командировочных удостоверениях мы наглым образом дописали ещё один город, на этот раз областного значения, и без всяких помех взойшли на палубу не совсем белоснежного, но все же лайнера.

Красота. С одной стороны афганская пустыня, с другой стороны – наша. Услужливые стюарты в белых униформах, тьфу-ты черт размышался, короче, ребята матросы приглашали нас в свой кубрик на чай и макароны по флотски, дружески хлопали по плечу, приговаривали:

– Суд у нас гуманный, не то, что раньше, за незаконное проникновение в закрытый город нынче много не дадут. Год-другой, не больше. Опять же, если повезёт, сидеть будете где-то под Ташкентом, почти дома.

Забыл сообщить тебе, мой читатель, что числился я тогда по Министерству Хлебопродуктов УзССР, которое имело в каждом областном центре, в том числе и в Термезе, своё собственное «Областное управление». Вот на помощь товарищей из этого ведомства я и рассчитывал.

Как и полагается по прибытию в главный город Сурхандарьинской области, бдительные пограничники нас, мягко скажем, задержали и препроводили, нет, не в кутузку, а в это самое «Областное управление». Тамошние товарищи наш статус подтвердили, правда без особого энтузиазма. И то правда: кому нужны незнамо как появившиеся люди из столичного Главка? Быстренько вручили нам кипу документов для передачи Мини-

стерскому начальству и милостиво попросили пограничников по возможности отправить нас первым рейсом в столицу республики Узбекистан. Так как переданные нам документы содержат материалы особой важности и должны как можно быстрее попасть куда-то наверх.

Аэропорт Термеза в те времена представлял собой лётное поле и небольшую будочку на краю его.

Ни очередей, ни давки, вообще никого. Под бдительным взором пограничников окошечко в будке отворилось и нам продали билеты на рейс Термез — Ташкент, как и в Нукусе, без даты вылета и номера рейса. Но коротать время в обществе двух бравых ребят из местной погранзаставы было много приятней, чем в жарком и душном Нукусском аэровокзале, да и самолёт прилетел как-то удивительно быстро.

Самое страшное ждало нас в родном министерстве. Нет, ни нагоняй от начальства — куда вы черти запропалились — это дело привычное. А удивленный взгляд нашей любимой бухгалтерши Анны Петровны.

— Я тридцать лет сижу здесь и командировочные документы принимаю, но ещё ни разу таких билетов не видывала. — она внимательно рассматривала серые клочки бумаги с большим якорем по центру. — Вас куда послали? В Каракалпакию, в Нукус, а там кругом пустыня, откуда вы там море взяли? Нет, вы как хотите, но я эти билеты никак принять не могу.

В купе с не возвращёнными нами авиа билетами по маршруту Нукус-Ташкент финансовые потери каждого из нас были весьма ощутимы. Зато путешествовали мы с Акбором с комфортом и без всякой толчеи.

КАБУЛ-ТАШКЕНТ-МОСКВА

Судьбе так было угодно, что бы в начале 80-х годов прошлого века мне довелось трудиться в Главном мукомольно-крупяном управлении Министерства хлебопродуктов УзССР. Да, да, не удивляйтесь, был такой Главк, да наверное и сейчас все ещё существует, куда же без него деваться. Но дело не в нем, а в макулатуре и командировке в столицу нашей великой Родины – город герой Москву.

Молодёжь наша нынешняя не знает, да и представить себе не может, что в те, самые «застойные» времена, руководители нашего государства вдруг озаботились сохранностью одного из богатств страны, а именно лесных массивов Советского Союза. А по сему был издан вердикт, согласно которому каждому сдавшему двадцать килограмм макулатуры полагается специальная марка, и, набрав нужное количество этих самых марок, счастливчик получал право приобрести одну из дефицитных книг, например, бессмертных Мушкетёров или произведения американского писателя Артура Хейли. Марки эти нужно было наклеивать не на почтовый конверт или на лист бумаги вырванный из школьной тетради, а исключительно на специальный квадратик.

Вот ради обладанием этого самого квадратика в моем родном районе под названием Кара-Су 1 и развернулись настоящие бои. Жаждающие доступа к иностранной литературе записывались с ночи, дежурили у пункта выдачи заветных квиточков и даже, вы не поверите, дрались друг с другом. Силой пытаюсь пробиться к мировой литературе. Поскольку бог меня комплекцией не обидел, то в результате уличных боев счастливым обладателем серенького квадратика для наклейки марок стал и я. А затем, о счастье великое, смог приобрести первую из семи книг французского писателя Мориса Дрюона под общим названием «Проклятые короли».

Надеюсь вам не надо объяснять что я жаждал в то время больше всего? Правильно, как можно быстрее постичь все тайны парижского двора тех незапамятных времён.

Читал книжку тайком, на работе, прикрыв её кипой различных циркуляров и инструкций.

И тут как назло начальство велело незамедлительно явиться пред его грозные очи.

Лети, говорит, «голубь сизокрылый» в Москву, выбивай там фонды, а чтобы тебе не скучно было и дабы ты чего там не напутал ненароком, захвати с собой прораба с одной из субподрядных организаций.

Была в нашем министерстве структура под названием «Архивно-хозяйственный отдел» или по-простому АХО, в обязанности которого входило, кроме всего прочего, обеспечивать дефицитными авиабилетами сотрудников самого высокого ранга. Увы, я к этому рангу даже близко не подходил, а потому потопал своими ногами в кассы Аэрофлота. Очередь к заветным окошкам которых начинала маячить этак за пару кварталов.

Но меня сей факт волновал мало. Теперь я мог на самом законном основании стоять и читать своего Дрюона. Время идёт, зарплата, хоть и не великая, но капает. Французские короли и наследники отчаянно воюют друг с другом. Так прошло пол дня и вот я у заветного, пахнущего клеем и типографской краской, окошка, а оно, это окошко, перед самым моим носом хлоп! и закрывается на обед. Как говорил один из персонажей писателя Носова: «Режим питания нарушать никак нельзя!» Стоящая за мной толпа разом охнула в сто ртов произнеся одновременно идиоматические выражения, которые, по понятным причинам, я здесь воспроизвести не смогу.

А мне хоть бы хны. У меня же в руках «Проклятые короли» и значит ещё минут сорок я буду не в жарком и душном Ташкенте, а в неведомой Франции позапрошлого века.

Честно сказать, я и не заметил, как пролетело обеденное время. Окошко открылось, женщина кассирша, дожёвывая дежурный бутерброд, злобно глянула на меня сквозь амбразуру, ожидая

услышать обычную в таких случаях кучу «высокохудожественных» оборотов великого русского языка. Я же широко улыбнулся ей и протянул два липких от пота паспорта.

— Два билета до Москвы, пожалуйста. На любой рейс, только, если можно, на завтра.

Немая сцена из гоголевского ревизора повторилась. Такой вежливости от меня все повидавшая на своём веку кассирша явно не ожидала.

— Раз вы у нас такой терпеливый к тому-же ещё и обходительный, я дам вам билеты из моего личного фонда, полетите бизнес классом.

Что такое бизнес класс, я узнал позже, лет этак через пятнадцать. А пока мельком взглянул на билеты и тихо возрадовался. Вылет в девять утра, в полете три часа, разница по часовым поясам тоже три часа, значит в девять московского будем в столице и может быть, если повезёт, то и на пробежку по московским магазинам время останется.

Чудеса начались прямо на следующее утро. Вчерашняя толпа в кассу Аэрофлота теперь в полном составе переместилась в Аэропорт, обвешавшись баулами, чемоданами и беспрестанно орущими чадами.

На огромном табло нашего рейса не было. Он не задерживался, а вообще не просматривался. Пришлось брать штурмом окошко «Справочной службы», понятное дело, тут было уже не до Дрюона и «Проклятых королей».

Оказалось, что такой рейс есть и самолёт прибыл по расписанию, но рейс это международный и нам необходимо рысистым бегом переместиться метров этак за семьсот, если мы не хотим опоздать на самолёт.

О том, как мы с моим напарником быстренько сдали нормы ГТО, причём сразу на «Золотой значок», я рассказывать не буду.

Как неслись мы по удивительному самодвижущемуся эскалатору, как на нас с удивлением смотрели сотрудники пограничной службы, не помнящие случая, когда на международный рейс продают билеты таким непрезентабельным личностям как я

и прораб, поведаю вам как-нибудь в следующий раз.

И вот мы в почти пустом салоне самолёта. Конечно, не в первом салоне, но всё равно очень приличном, с чистыми, да ещё и накрахмаленными подголовниками.

Мимо нас удивительно красивые стюардессы катят тележки с дивно пахнущими яствами. Голод, он, сами понимаете, не тётка, и эффект старика Павлова ещё никто не отменял. А посему мой прораб не выдержал. Он вообще не выдержанный, впрочем, как все прорабы.

— Что вы им все в тот салон таскаете, и все мимо нас? А ведь мы почти рабочий класс, гегемон можно сказать. Если они там в все в белых штанах (имеется ввиду национальный афганский костюм), а мы в чёрных, так и совсем нас кормить не надо?

Бойкая стюардесса, конечно же, за словом в карман не полезла.

— Любезнейший сударь, осмелюсь вам заметить, что ежели бы вы соизволили заплатить за билет столько, сколько заплатили эти, как вы метко заметили, в белых штанах, то ты, родненький мой, совсем без штанов остался. Сиди и сопи себе в две дырки. Закончу с ними и тебе принесу, что останется.

Спешу сообщить тебе, дорогой мой читатель, что осталось много, даже очень. Икра красная лососёвая, вино «Масандровское», вино грузинское «Киндзмараули» марочное, сыр Рокфор, салат с крабами «Дальневосточный» и т.д. и т.п.

Усталые девчонки-стюардессы подсели к нам, и мы очень быстро перешли с ними на ты. Позавидовали им, какая у них интересная и, главное, вкусная работа, а они рассказали нам как гражданский самолёт садится и взлетает в Кабульском аэропорту, беспрестанно отстреливая рулоны с фольгой, дабы помешать снарядам выпущенным душманами из американских «Стингеров» найти точную цель, а именно их борт.

Приземлился самолёт точно по расписанию в только что открытом по случаю «Олимпиады-80» аэропорту «Шереметьево-2». И знаете, что больше всего поразило в нем моего спутника прораба? Водопроводный кран в туалете аэровокзала, работаю-

щий на фотоэлементах.

– Я, конечно, халтуру частенько при монтаже сантехники, не без этого, но что бы совсем ручки не ставить, ну это москвичи дают!

После этого он свою душу отвёл по полной, такого отборного мата я раньше нигде не слышал, да и присутствующие в этом заведении почтенные господа, вероятно тоже, так как все они дружно прекратили заниматься своими насущными делами и слушали его с нескрываемым любопытством.

ВЗРЫВООПАСНАЯ СМЕСЬ

В долине реки Зеравшан, как раз на полпути из Самарканда в Навои расположился уютный городок с гулким именем – Каттакурган.

Город как город, ничего особенного, если бы не тамошняя мельница.

Это удивительное чудо переработки зерна построили во время второй мировой войны, используя для изготовления ситовых полотен зерноочистительных машин рояльные, гитарные и прочие струны. Работало это создание рук человеческих в нарушение всех норм, правил и технических регламентов.

И вот наконец пришло время мельницу закрыть, снести и построить на её месте новую, современную. Ну а кому как не мне – начальнику отдела Перспективного развития Главмуки – этим делом заниматься?

Поезд Ташкент-Волгоград прибыл на станцию Каттакурган строго по расписанию, а именно в четыре часа утра. Ну и куда бедному командировочному податься. Если ты, дорогой читатель, обратил внимание,

то наверное знаешь, что почти все объекты системы Хлебопродуктов – элеваторы, мельницы, зерносклады – расположены рядом с железнодорожными станциями. Это делается для того, чтобы вагоны-зерновозы подавать и забирать с наших предприятий без большого пробега. Вот и моя мельница светила тусклыми оконцами сразу за перроном.

Делать нечего, подхватил свой старенький командировочный портфель и пошёл знакомиться с объектом.

В плотной мучной пыли занимающей почти все пространство мельницы сидели бело-серые личности и курили самокрутки.

Хочу пояснить тебе, дорогой мой читатель, что мельницы сами по себе более чем взрывоопасны. Если муку как следует

потрусить, то есть создать взвешенную в воздухе смесь с кислородом, малейшей искры будет достаточно для чудовищного взрыва.

Первая мысль пронёсшаяся в моей голове — немедленно бросить мой портфель и рвануть отсюда, что есть сил. Однако перед моими глазами почему-то в тот момент не пронеслась вся моя жизнь. Вместо этого предательские капли холодного пота выступили повсеместно и мгновенно смешались с мучной пылью. Я мгновенно покрывлся толстым слоем солёного теста.

— Салям аллеюкум, начальник. Давай садись, чай пей. Табак, самосад курить будешь? — раздалось откуда-то из мучного тумана.

«Они там ничего не боятся, а я что, труса им показывать буду? Как же мне с ними работать?» — размышлял я. Затем достал платок, кое-как протёр стекла очков и сел рядом с мельником. Скрывая предательскую дрожь в голосе, проглотил комок образовавшийся в горле, и произнёс:

— Не страшно то, в такой пыли сигарку курить?

— Нет, мы здесь уже совсем давно привыкли. Мы тут, вон там в углу, когда зимой совсем холодно, ещё и костёр разводим. Греться всем надо, иначе совсем до утра замёрзнешь.

«Может не надо эту мельницу закрывать? Может здесь надо организовать аттракцион невиданного бесстрашия и этих людей за деньги показывать.» — подумал я. А следом за этой мыслью уже неслась другая, всплывшая откуда-то из глубин моей памяти. Передо мной как-бы открылся конспект лекций по «Технике безопасности мукомольно-крупяных предприятий».

— Вам необходимо знать особенности смешивания горючих веществ с воздухом. Для возможности воспламенения и взрыва пыли исключительно большую роль играет количество кислорода и концентрация пыли в воздухе. Если в смеси образовалось очень большое количество пыли и не достаточно кислорода, то не только взрыв, но и воспламенение такого состава — невозможно.

КОМАНДА «ГАЗЫ»

Наши мука, крупы и отруби – просто «манна небесная», простите за тавтологию, для всякого рода жучков, червячков и прочих зерновых вредителей. Поэтому согласно «Правил» и прочих должностных инструкций раз в год здание мельницы требуется газировать. Проводится эта операция довольно просто. Все щели в мельнице как следует конопатят, окна заклеивают, двери закрывают и пускают внутрь газ. Через день-другой люди в противогазах все, что можно, открывают. После чего все помещения ещё денёк проветривают, потом выметают всякую откинувшую лапки мелкую нечисть и вперед: станки запускаются и мука «молотится». Вам, наверное, понятно, что люди, занимающиеся такой сложной и ответственной операцией, как пускание газа, трезвыми по определению быть не могут. Приезжая на объект, они мгновенно находят кучу незаклеенных дырок и грозятся уехать надолго, вместе со своим газом. Директор тут же просит их остаться, немного подождать в местной гостинице или доме отдыха, конечно, по системе «инклюзив».

Зная эту уловку «газовиков» я сделал все возможное, чтобы на каттакурганской мельнице никаких щелей не осталось. Прибывшие на место «газовые» товарищи, ещё не заходя на территорию, заявили, что здание мельницы к приёму газа не готово. Пришлось мне их переубедить и тем самым лишить пары-тройки дней заслуженного отдыха с обильным возлиянием. В отместку на такое моё коварство «газовики» заявили, что и они, в свою очередь, все сделают по правилам и газа пустят сколько надо и даже много больше. А по сему на территории завода три дня не должно быть не единой живой души включая собак и кошек. Сказано – сделано. Отправляемся дружным коллективом на живописный остров расположенный посередине местного водохранилища. Рыбалка, уха, выпивка, закуска. В общем, трёх-

дневный отдых и весьма приятное времяпрепровождение.

И вдруг вечером первого дня, после очередного стакана с напитком, крайне не рекомендуемым одной религиозной книгой, я вдруг понимаю, что не все дырки на этой мельнице законопатил. Оставил несколько не просто дыр, а можно сказать дырищ. Дело в том, что на мельнице полным полно всякого рода вентиляторов, так вот трубы от них идущие наружу мы заклеить и забыли. Следовательно через них уже почти сутки смертоносный газ идёт в сторону многолюдной станции Каттакурган.

Организм мой мгновенно нейтрализовал находящийся в нем алкоголь.

Как выбраться из острова? Кругом вода, заказанный катер приедет за нами только послезавтра, когда на станции уже не останется ни одной живой души. Как я махал всем проплывающим мимо острова плавсредствам, как добирался до станции в плавках и рубашке, как меня местный милиционер не пускал в кабинет начальника станции, как я убеждал срочно эвакуировать всех из вокзала и не останавливать поезда — то отдельная история. Скажу лишь, что у этой истории вышел прекрасный (для меня) хеппиэнд. «Газовики», сильно обидевшись на меня, вкачали на мельницу действительно тройное количество газа. Его на самом деле вполне хватило бы не только на мошек, жучков и их прожорливых личинок. Но этот газ, на моё счастье, оказался легче воздуха, да и ветер в тот день дул исключительно от станции!

АЛАВЕРДЫ ЗАВЕДУЮЩЕГО СКЛАДОМ

Как говорил небезызвестный чебурашка: «Мы строили, строили и наконец построили». И мы наконец-то построили новую мельницу, блестящую и современную. По сему поводу, как полагается, был организован грандиозный банкет. Согласно традициям восточного гостеприимства стол ломился от различных яств. Начальник Главка выступил с большой, пространной речью, в конце которой, в свете требований партии и правительства, отметил, что можно было бы как-то и поскромнее, мол на народные средства гуляем и, в целом, это не порядок. Ответное слово взял заведующий складом готовой продукции. Так сказать, алаверды.

— Пейте, ешьте, дорогие наши гости, весь этот дастархан стоит много меньше одного дня моей работы на складе.

Все дружно переглянулись, но следуя тем же традициям гостеприимства ОБХСС вызывать не стали.

Мне вручили Почётную грамоту и предложили на выбор один из двух материальных подарков. Ковёр хивинской работы или новейший стереомагнитофон «Эльфа» с двумя спаренными микрофонами и табличкой-гравировкой на нем. Как вы думаете, что я выбрал? Правильно. Теперь, по прошествии многих лет, у меня под стеклом лежит эта табличка, а сам «Эльфа» сгинул навсегда где-то в пустыне Гоби. Хивинский ковёр до сих пор украшает стену квартиры моего друга и коллеги, с каждым годом становясь всё ценнее и дороже.

СТИРАЛКА ИЗ ХАВАСТА

Есть в Узбекистане такое удивительно место под названием Хаваст.

Вообще-то, по большому счёту, это узловая сортировочная железнодорожная станция, и от неё до моего родного Ташкента километров этак сто пятьдесят выходит. Построили её ещё до революции, во времена прокладки железной дороги по территории Туркестана. Именно в этом самом месте дорога из Ташкента раздваивается: на восток — в благодатную Ферганскую долину, и на запад — в знаменитые города Самарканд, Бухару, и далее, в соседний Туркменистан. Раньше эту станцию называли «Урсатьевская», то ли по фамилии одного из царских генералов, завоёвывающих Туркестан, то ли по фамилии Урсати Александра Ивановича — инженера путей сообщения.

Если честно, то все, что я вам рассказал выше, почти не имеет никакого отношения к тому, что собираюсь вам рассказать ниже. А все дело в том, что близ этой самой станции расположена небольшая старинная мельница, на которой мне пришлось потрудиться довольно таки продолжительное время. Работала она из рук вон плохо, вот и приходилось мне не вылезать из командировок. Вроде бы и от Ташкента не долече, одно же туда-сюда не

наездишься. Вечером в этом Хавасте делать абсолютно нечего. В книжном магазине «Китоблар» из-под «полы» достал книгу Джерома К. Джерома «Трое в лодке не считая собаки». Разделил её на число дней моей командировки с тем, чтобы не прочитать все в один присест, так и коротал вечера. Ни тебе интернета, ни даже захудалого MP3 плеера.

А теперь вспомни, дорогой мой читатель, какие марки полуавтоматических стиральных машин периода Перестройки ты

знаешь. Нет, не те круглые, что с ручным отжимом через прорезиненные валики, а чудо техники с встроенным отжимным автоклавом. Не помнишь? Так я тебе подскажу: «Сибирь», «Заря», вот, пожалуй, и всё. Всего то и требовалось, что вытащить белье из стирального бака и переложить в отжимной. Сам понимаешь, что просто так пойти в магазин электробытовых товаров и купить такой агрегат, несмотря на его весьма внушительную стоимость, было делом абсолютно нереальным.

И вот иду я как-то раз по этому самому знойному Хавасту, мне в эти дни как раз квартиру двухкомнатную дали в Ташкенте как молодому специалисту. Размышляю, чем бы таким эти хоромы обставить, так как кроме старенького дивана в них ничегошеньки нет. И тут меня как обухом по голове. Что-то я увидел, невозможное, что-то такое, чего не может вообще. Ну, вроде как сейчас я бы прошёл мимо зелёного инопланетянина и только потом сообразил, что это там сзади пришелец стоит собственной персоной.

Медленно оборачиваюсь и иду назад, соображая, что и где не так. Глазею по сторонам. Пыль, жара под сорок, зной. Вот там мужик в тубетейке и засаленном халате торгует сильно разбавленным, но холодным квасом. (Он периодически у местных бабушек лёд из морозилки по рублю покупает и в свою бочку кидает). Там дальше бабай с белой бородой торгует всякой ненужной рухлядью. В витрине книжного магазине лежат пожелтевшие бессмертные произведения дорогого Леонида Ильича. Стоп. Вот оно чудо. В витрине магазина «Хозтоваров» стоит самая что ни на есть настоящая стиральная машина «Сибирь». Не на складе лежит, не даже в торговом зале выставлена, с табличкой «продажа только по записи», а в витрине стоит и ценник на неё родимую прикреплён.

Несмотря на моё хорошее физическое состояние, сердце как-то предательски застучало.

Открываю засиженную мухами дверь. Робко вхожу.

— Ассалям алейкум, уважаемый. Можно мне приобрести у вас вот ту стиральную машину, которая за стеклом, в вашей

глубоко уважаемой витрине находится. Она настоящая или это макет для привлечения покупателей?

— Совсем настоящая. Но не бери, как друга прошу. Шайтан в ней живёт.

— Вообще-то я по жизни инженер, и у меня таких шайтанов в каждом агрегате по дюжине живёт. Давай доставай быстрее — проверять будем. — непонятно откуда взявшимся, задорным комсомольским голосом протараторил я и тут же кинулся помогать продавцу вытаскивать заветный агрегат из ниши.

Включили. Двигатель гуднул разок-другой, но ротор стиралки все же начал вращаться. Работу барабана отжима, проверять на радостях не стал. А вдруг продавец одумается, выйдет из состояния комы и объявит, что машина не продаётся. Вообще никогда не продаётся и всё тут. Как я её в поезд затаскивал, на сколько задержал его отправление и что говорил проводникам и самому бригадиру, про то отдельный сказ будет. Описывать лица завистливых соседей по подъезду тоже не стану.

Установил мою голубушку где полагается. И рано утром отбыл первой электричкой назад на бывшую станцию «Урсатьевская». Во второй половине дня меня разыскала секретарь директора.

— Анжинир — тебя к телефону. Ташкент тебя хочет! Срочно.

Звонило не моё непосредственное начальство. Звонила супруга. И её голос звучал так, что лучше бы звонило начальство.

Оказывается, моя стиралочка, голубушка, никак не желает отдавать отжатую грязную воду.

«Бюро бытовых услуг» располагалось тогда в соседнем доме поэтому жена, не откладывая дела в долгий ящик незамедлительно и очень настойчиво позвала мастера гарантийного ремонта. Уверяю вас, она, когда надо, может быть чрезвычайно убедительной.

Он открыл агрегат и извлёк из него предмет женского туалета внушительных размеров, который намертво перекрыл маленькое сливное отверстие.

Протянул его удивлённой супруге.

– Ваше? Аккуратнее надо быть, дамочка, сложная, между прочим, техника. Это вам не какая-нибудь допотопная «Волна» или «Рига» с отжимным валиком. Тут прежде чем включать, инструкцию не просто прочесть надо, а выучить наизусть, так-то вот.

Именно по причине присутствия в этой машине инородного женского предмета и беспокоила меня благоверная. Понятное дело, что телефонный разговор был исключительно слабой прелюдией к большой увертюре, которую мне предстояло услышать по возвращению из командировки.

Под пытками местный продавец «Хозтоваров» признался, что это его бывшая стиральная машина. Но что с ней случилось и как туда шайтан забрался, он понятия не имеет. Принёс из дома и хотел тихонько продать в её жителю какого-нибудь дальнего кишлака. И вообще он честно предупредил, покупателя, то есть меня, о присутствии в ней, проклятой, самого шайтана. Только это своевременно высказанное предупреждение и уберегло его от тяжких телесных повреждений и некоторых увечий.

С тех пор прошло много лет. Стиральных машин и прочей домашней техники в наших магазинах хоть пруд пруди. Но во избежание длительных домашних увертюр и симфоний в целом, мужики, послушайте мой совет: читайте инструкции, а лучше учите их наизусть!

УЧИТЕЛЬСКИЕ ИСТОРИИ

«СЕПА»

В своей книжке «Байки старого мельника» я уже писал о том, что судьбе было угодно отправить меня в один ташкентский вуз в качестве преподавателя спец. дисциплин. После выхода книги из печати пошли письма с вопросами – а почему так мало ты, автор, написал о своей преподавательской деятельности? Чему ты там учил подрастающее поколение? Давай дальше, мы хотим ещё. Слово читателей для меня – закон. Деваться некуда – даю ещё.

После приказа о зачислении в штат вуза меня отправили в деканат для составления плана учебного процесса.

– Значит к нам из-за границы прибыли, – сказал пожилой седовласый декан. – Спец. дисциплины преподавать у нас будете. Детишек наших уму разуму наставлять. Это хорошо, как там наш великий вождь и учитель говорил: «Учиться, учиться..» – короче, это вы и без меня знаете. – он почесал свой выбритый до синевы подбородок и без всякого предисловия продолжил. – Группу каракалпаков курировать сможете?

Я бывал в Каракалпакии и не раз, был знаком с некоторыми людьми – представителями этой национальности. Поэтому на его вопрос молча пожал плечами, что в моём случае означало: «Ну, раз ничего другого нет, тогда давайте эту группу».

Ребята из далёкой республики мне попались на редкость дружные. Если один из них не понимал как выполнить работу или по какой другой причине не выполнял домашнее задание, то в знак солидарности с ним, вся группа не делала ничего. На моих парах сидели молча, наверное пытались перевести мои слова

сначала на узбекский, а уже затем на свой каракалпакский.

На одном занятии по устройству зерноочистительных машин я поднял девушку, сидящую за первым столом, и попросил её рассказать о машине, согласно заданному на дом параграфу.

Студентка на ломаном, но все же вполне понятном, языке стала излагать материал, при этом её глаза смотрели не на меня, и даже не на доску за моей спиной, и не искали помощи у соседки по столу, они обречённо смотрели в потолок.

Я послушал, послушал и обречённо открыл лежащий передо мной учебник. Открыл на нужной странице и у меня мурашки пробежали по коже.

Моя студентка шпарила довольно сложный текст наизусть!

«Подсказывают черти, нагло подсказывают! Ну, сейчас они у меня получат!» – пронеслось у меня в голове.

Я попросил девушку выйти к доске и рассказать устройство агрегата не только мне, я его и так знаю, но всей группе.

Сам же пристально стал следить за остальными студентами. Они конечно слушали в пол уха, нет не пол, а в четверть или, скорее всего, в одну восьмую уха. (смартфоны тогда ещё не изобрели. До их появления оставалась лет этак двадцать!) Каждый занимался чем угодно: разрисовывали учебники, делали задания по другим предметам, но только не подсказывали.

Обречённая студентка все так же смотрела в белый потолок аудитории и шпарила текст. Я с видом фокусника обошёл вокруг неё, надеясь найти какое-то устройство – наушник, например. Ничего не найдя, я опустил на свой стул.

Наконец, девушка закончила свой монолог произнеся в конце удивительное слово – «Сепа».

– Что это ещё за «сепа»? – возмутился я.

Нисколько не растерявшись, студентка совершенно безразличным голосом произнесла:

– «сепа» – это часть слова сепаратор. Вы нам задали выучить параграф, напечатанный на страницах 14 -19, а «ратор» находится на странице двадцатой, которую вы нам ещё не задавали.

А теперь скажи мне, дорогой мой читатель, какую оценку я должен был поставить за абсолютно точный и правильный ответ?

— За чем же ты весь параграф наизусть учила, и сколько на это тебе понадобилось времени? — полюбопытствовал я.

— Нисколько, — так же спокойно ответила она. — Прочла один раз и все.

— Не может такого быть. Зубрила, наверное, всю ночь? — я протянул ей совсем другой учебник. — Прочти разок и перескажи своими словами, — и я ткнул пальцем на открытую страницу.

Студенты побросали все свои неотложные дела и следили за ответом одногруппницы, как за цирковым представлением, то есть сидели с открытыми ртами.

Девушка читала не более минуты. Отдала мне книгу, подняла глаза к потолку и повторила все слово в слово.

Я рассказал об этой феноменальной студентке другим преподавателям.

Учительница английского выскочила в коридор во время своих занятий в этой группе и позвала меня из соседней аудитории.

Студентка, по своей привычке уставилась в потолок, шпарила английский текст с сильным каракалпакским акцентом.

Так уж получилось, что мне не довелось присутствовать на защите её диплома. Однако где-то в газетах промелькнула её фамилия, уже в качестве официального лица, в составе правительственной делегации Республики Каракалпакия.

УРОК ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА

— Освободишься, зайди ко мне — произнёс на ходу ректор и унёсся куда-то по своим многочисленным ректорским делам.

Закончив читать лекцию, я, не предчувствуя ничего хорошего, поплёлся на встречу с шефом.

В тот день товарищ ректор был сама любезность. Усадил меня в кресло, предназначенное только для почётных гостей кабинета. Секретарша принесла на подносе ароматный зелёный чай и восточные сладости.

Сами понимаете такой приём не предвещал ничего хорошего.

– Скажи честно, сколько у тебя «Свидетельств об изобретениях и рацпредложениях»? – ректор уселся напротив и взял с подноса пиалу.

– Не очень много, но есть, – как-то нерешительно ответил я, пытаюсь понять, к чему такой вопрос.

– Понимаешь, тут из нашего министерства директива пришла. Должны мы, понимаешь, наш контингент изобретательству учить. Должны у них, сам понимаешь, развивать творческое мышление.

– Дело хорошее, но я-то тут при чем? – смакуя великолепный зелёный чай, произнёс я.

– Так кроме тебя в этом богоугодном заведении вообще никто об этом изобретательстве и слыхом не слыхивал. Ты сам посуды, занятия один семестр, простой зачёт – не экзамен, но зато во всех группах первого курса. Рассказал им, что знаешь на эту тему, принял зачёт и свободен как ветер. Соглашайся, а мы тебе новую мебель в твой кабинет организуем и шторы красивые повесим. Уютно будет, как дома.

– Кондиционер, – набравшись наглости, попросил я.

– Что кондиционер? – чуть не поперхнувшись, спросил он.

– Вместо мебели лучше кондиционер оконный, «Баку» называется, – уточнил я.

– Я знал, что ты нахал, но что до такой степени. У нас не в каждом деканате кондиционер стоит. Ты знаешь, что их только по разнарядке самого министерства купить можно?

Я молчал, думая, что за кондиционер буду готов преподавать даже закон божий.

В результате кондиционер мне пообещали, когда-нибудь потом, а вот занятия по предмету «Техническое мышление и изобретательство» надо было начинать уже со следующей недели.

Ни учебников, ни каких-либо учебных пособий по данному предмету просто в природе не существовало. Книг Перельмана

ни в одной библиотеке Ташкента мне отыскать не удалось. Вот и крутись, товарищ преподаватель, как хочешь.

Была у меня очень редкая и модная в то время телескопическая ручка-указка.

Вот я и решил поставить перед студентами задачу, что бы сообразили как облегчить, так сказать, труд педагога, который идёт по коридору с длиннющей и тяжёлой указкой, постоянно натываясь на спешащих куда-то студентов. А сам эту свою телескопическую ручку перед их глазами кручу.

Нет, никак не видят они моего намёка. Сидят думают. Наконец самая бойкая тянет руку.

— Предлагаю сделать указку из металлической линейки, я такую в нашей слесарной мастерской видела. Она очень сильно гнётся и её вообще в круг свернуть можно. Когда по коридору преподаватель идёт, то её как обруч нести можно.

Потом немного помолчала и решительно добавила.

— А на парах, когда кто-то из нас уж совсем ведёт себя плохо, то один конец такой линейки не грех и отпустить, что бы сразу до студента дошло, где он, паршивец, в данный момент находится.

Если не ошибаюсь, эту девушку на ближайшем собрании выбрали секретарём комсомольской организации. Не знаю как с изобретательством, но думаю, что по воспитательной части у неё все будет в порядке, да и в личной жизни, надеюсь, тоже.

«РАШИДОВСКИЕ» ЯБЛОЧКИ

Поступила в наш вуз разнарядка. Оказать посильную помощь в уборке урожая на близлежащих дачах. Вот и послали меня с группой первокурсников на эти самые дачи. Ни до, ни после мне не довелось бывать на правительственных дачах. Дело в том, что в Узбекистане яблоки растут очень плохо. Жарко там для них. В соседнем Казахстане сколько угодно, а у нас не приживаются — сохнут. Однако на тех дачах, куда нас привезли, яблони росли, причём какой-то низкорослый сорт. Под каждым деревцом

был аккуратно расстелен дефицитный, в то время, полиэтилен. И нам строго настрого запретили рвать сей плод с деревьев, требовалось собирать только падалицу и относить её на специально построенной неподалёку консервный цех. Моих первокурсников от такого оказанного доверия поголовно взяла оторопь. Не каждый же день увидишь, как мимо тебя по асфальтированным дорожкам сада живьём прогуливаются личности, портреты которых несут на майской и октябрьской демонстрациях. Никогда больше не видел, что бы студенты работали не покладая рук, да ещё практически в полной тишине.

Наконец настало время обеденного перерыва. Мимо нас пронесли устройство, очень похожее на те, в которых официанты вагона-ресторана разносят кастрюльки с борщом и кашей. Только вместо кастрюлек в кронштейны прижимали большие банки с чёрной паюсной икрой.

По всей видимости мои первокурсники никогда в жизни таких банок не видывали, поэтому никакой реакции на данный продукт они не проявили. А у меня во рту мгновенно возник рефлекс собаки Павлова.

Не могут же обитатели дач слопать такое количество икры, наверное и нам по паре бутербродов перепадёт? Оказалось, что могут. После того как жильцы отобедали, позвали и нас. Врать не буду, накормили до отвала, сытно, но без изысков — картофельное пюре, мясо барашка, а из дефицитных продуктов — сыр российский. И то ладно, в то время в Узбекистане любой твёрдый сыр можно было получить только в праздничных продуктовых наборах и никак иначе.

Осмелев после обеда, я обратился к человеку за нами надзирающему, по выправке сразу видать, что дядя из органов, не иначе.

— Скажите, любезный, простите не знаю, кто вы по званию. Вот ребятки мои работают, а как насчёт того, что бы они по паре тройке яблочек из этого райского сада домой взяли. Я так полагаю, за труд здесь платить как-то не принято.

Служивый снял фуражку, почесал затылок, долго разговаривал с кем-то по рации. Наконец кивнул головой и произнёс: «можно, но только по паре и только с земли, ни в коем случае не с веток».

Перепуганные первокурсники от такого подарка судьбы категорически отказались, ну а я, нахально воспользовавшись служебным положением, собрал в дипломат столько яблок, сколько влезло.

Вечером охрана на выезде велела открыть дипломат, но наш сопровождающий с военной выправкой убедительно кивнул головой – дескать дозволяется, заслужили.

На Новый год мы открыли банку с яблочным вареньем и в нашу комнатку ворвался незабываемый запах яблоневого сада с «близлежащих дач».

ТЫСЯЧНЫЙ ВАРИАНТ

– А вас, товарищ преподаватель спец. дисциплин, я попрошу остаться, – цитируя небезызвестного шефа гестапо Мюллера, произнёс ректор после окончания очередного заседания.

Я понял, что его глубокие знания произведений Юлиана Семенова ни к чему хорошему не приведут. И в своих подозрениях не ошибся.

– Понимаешь, мне все это уже во где сидит, – ректор провёл рукой по своему горлу. – Торгуют все. И преподаватели физкультуры, и ботаники, и даже наша уважаемая уборщица Наргиз Вахидовна. Надо срочно с этим кончать.

– С чем кончать? – я сделал вид, что совсем не понимаю сути его возмущений. – С Наргиз Вахидовной или ботаниками?

– С контрольными для заочников пора кончать. Они их даже не переписывают, так сдают. Здоровые бугаи, бородатые мужики приносят работы женским почерком написанные, да ещё мятые-пермятые. Наверное, по пятому кругу ходят.

– Так ведь у нас же в вузе есть авторитетная комиссия, которая после сессии уничтожает все контрольные и акт об этом дей-

стве составляет, все чин по чину, — я как мог продолжал играть простака.

— Вот из этой авторитетной комиссии ноги то и растут. Сам же знаешь, что у нас рукописи не горят.

«Надо же, он и Булгакова знает» — подумал я. «Сейчас что-то обязательно поручит. Хоть бы не в эту комиссию, мне этого только не хватало.»

Но мудрый ректор мне утилизационную комиссию не поручил, он поручил мне дело, как там в американском кино, «Миссия невыполнима» — кажется так.

— У нас на носу майские праздники, надеюсь ты об этом помнишь? — он протянул мне пиалу с зелёным чаем, заваренным по его собственному рецепту.

— Да помню. Как раз собирался за эти дни билеты к летней сессии подготовить, — как-то нерешительно произнёс я.

— Вот и хорошо, вот и подготовишь, — шеф сделал театральную паузу. — Только не билеты, а варианты.

— Какие варианты? — искренне произнёс я, на этот раз и в самом деле не улавливая ход его мыслей.

— Что же тут не понятного? У нас сколько вариантов контрольных работ для заочников по твоей дисциплине?

— Сто, кажется, — все ещё не понимая, куда клонит ректор, ответил я.

— А будет — тысяча. Усёк?

— Как это тысяча, мне что, за праздники надо придумать девятьсот вариантов?! По три задачи в каждом?

— У тебя супруга, кажется, тоже мельничиха или как там у вас у русских правильно — мукомолка. Вот и придумаете по тысячи триста вопросов на одного члена семьи, остальные, так и быть, разрешаю повторить старые.

— Но, это же невозможно. Это совсем невыполнимо, да тем более в такие сжатые сроки!

— Надо, Федя, надо, — ректор на сей раз показал мне, что он знает не только советскую литературу, но и любит наш кинематограф. — А я тебе за этот труд командировку организую.

– Какую ещё командировку? – в конец запутался я.

– Как какую? Ты мне варианты, я тебе экскурсию на новую мельницу. На, вот, почитай, – он бросил мне на стол газету. – На твоей родной Кубани чудо-мельницу отгрохали, вот после сессии поедешь, так сказать, передовой опыт перенимать.

За возможность повидать моих славных стариков, да ещё за казённый счёт я готов был совершить невозможное и совершил. Пахал как раб на галерах, но система вариантов контрольных работ из двухзначной, вдруг неожиданно для всех стала трёхзначной.

Ректор как мог хранил в секрете авторство этого новшества. Но в нашей богадельне, как и в мешке, шила не утаишь.

Наргиз Вахидовна демонстративно ездила своей шваброй по моим начищенным туфлям. Преподаватели физкультуры мало того, что перестали здороваться, так ещё и обеспечили группе, где я был куратором, почётное последнее место по сдаче норм ГТО. Про ботаников я вообще умолчу, нельзя же здесь приводить совершенно нецензурные слова. Вдруг дети прочитает.

Практически все заочники были в панике – на их глазах рушился годами устоявшийся мир. Лишь мои коллеги по кафедре улыбались, дружески хлопали меня по плечу и, отвернувшись, потирали руки. Оказывается, по настоятельной просьбе студсовета, для заочников были организованы дополнительные лекции и семинары по всем спец. дисциплинам, следовательно на свой кусок хлеба все они получили мой кусочек масла. Летнюю сессию заочники сдали много хуже чем в прошлые года, однако ректор был доволен и весёл, но совсем недолго.

Однажды он снова вызвал меня в свой кабинет.

– Давай возвращай все взад.

– Куда возвращать? – не понял я.

– Что ты не понял. Сделай как было. С меня ещё неделя командировки, на этот раз в Москву. Оказывается мы с тобой превысили полномочия и ты нагло нарушил предписания самого министерства, на, вот, читай, – он положил передо мной фирменный лист бумаги с размашистой подписью.

— «Своевольничаешь, а ещё и меня подставляешь», — я прочёл текст на бумаге и поднял глаза на ректора. Он хитро подмигнул мне одним из них.

— Короче выкинь девятьсот вариантов, оставь сто. А все таки здорово мы с тобой разворошили их гнездо, как там у вас у русских — показали кузькину мать. Будут знать наших!

ГУСИНАЯ ОХОТА

В начале девяностых пришлось мне побыть некоторое время островитянином. Так уж вышло, что мне с супругой пришлось поменять тёплый Ташкент на Южный, но все таки Сахалин. А этот остров, кто не знает, был местом ссылки самых отъявленных каторжников Российской Империи. К чему я это, а к тому, что народ, там проживающий, в значительной мере и есть потомки тех самых каторжан. Так что без ружья, ну, в общем, нужно оно и все тут. Могучий Советский Союз благополучно развалился, Российская республика, мягко скажем — не окрепла, а посему огнестрельное оружие продавалось исключительно охотникам. Куда же деваться, пришлось им стать. Хотя бы на бумаге. Побегал я по инстанциям, сдал необходимые анализы и фотографии, заплатил госпошину и, наконец, стал обладателем единственного ружья которое было в то время в продаже в охотничьем магазине. «ИЖ-20», что значит калибр двадцатый. Ружье теперь у меня есть, а вот патронов к нему на всем острове не осталось. То есть во времена СССР их суда привозили, но все уже расстреляли. А когда новые привезут одному богу известно. Как говорил известный наш сатирик Аркадий Райкин: «через завсклад, через товаровед» — путём сложной многоходовой бартерной операции, нарушая все возможные запреты на пересылку огнеопасных и взрывчатых веществ, я таки получил заветную посылку и патронами нужного калибра пересыпанные рисовой крупой.

Ружье есть, патроны к нему есть, даже новенький билет «Общества охотников и рыболов» в наличии имеется, что остаётся теперь делать? Правильно идти на охоту и проверить мой

«ИЖ-20» в действии. Добытчик я в нашей семье или нет!

Стал я приставать ко всем своим знакомым. Возьмите меня да возьмите. Я вам мешать не буду, я в стороночке тихонько постреляю. Отстань говорят, ещё не время, вот гуси полетят, тогда и поедем и, может даже, тебя возьмём, если ты, конечно, как новичок нам всем лицензии на отстрел купишь. Понимаешь, традиция у нас у охотников бывалых — салаги, вроде тебя, всем лицензии покупают, ну и проставляются конечно, а то как же без этого.

Время шло, а гуси почему-то не летели. По всему видать неплохо жилось им там, в заморских тёплых краях, и совсем не хотелось лететь на свою неустроенную Родину, да ещё под пули многочисленных охотников. Я же время не терял даром, по совету бывалых прикупал необходимые для охоты аксессуары: патронташ, конечно же, флягу и для воды тоже. Нож для разделки добытой дичи и ножны к нему, и прочая, и прочая.

И вот прошёл меж нами охотниками слух — летят родимые. Скоро первые стаи на дальнем озере обьются. А тут как назло на работе полный аврал, ни о каком отгуле или там за свой счёт не может быть и речи. Но рыбак рыбака, тьфу ты — охотник охотника. Короче, как выяснилось и моё руководство было совсем не прочь истребить бедных птиц, возродив тем самым в себе дремавший до поры до времени древний мужской охотничий инстинкт.

Ехали долго, чтобы скоротать время ещё в машине стали обмывать моё вступление в славную братию тех, кто не рыбак и не сборщик грибов. Короче, в этот день мы на дальнее озеро не пошли, хотя местный егерь Василий Спиридонович уверял нас, что уже. Мол плавают, родимые, лакомятся дарами родной воды. Жир нагуливают.

К вечеру всё же собрались и пошли на озеро. Оказалось, что оно очень даже лесное, и топать до сей водной глади, порядочно. Так уж вышло, что я в своей жизни практически не бывал в настоящем лесу, все больше мне как-то полупустыни и совсем пустыни попадались. Что означают слова бурелом и чащоба я узнал

только на Сахалине. И как-то сразу приуныл. Мне почему-то стало жалко бедных водоплавающих птиц. В конце концов опробовать ружье можно и стреляя по бутылкам и банкам, а птицы пусть себе летят куда их природный инстинкт ведёт. Наконец дошли; завидев нас, гуси почему-то не улетели, наверное они ещё никогда не видели людей, способных через лесные завалы пробираться к озеру, чтобы полюбоваться перелётными птицами, а может просто приняли нас за рыбаков. Но, по всей видимости, что такое ружье гуси усвоили с молоком матери, ну или с тем, чем их в раннем детстве кормили. Короче стоило одному из нас снять с плеча эту длинную палку, как вся стая в мгновение ока поднялась в воздух. Два или три выстрела прозвучавшие им вдогонку только подзадорили спешно улепётывающих красавцев. Идти назад да ещё предстать пред очи Спиридоновича без единого пуха ли пера было выше наших сил. Поэтому было принято мудрое решение заночевать на озере, а уж поутру, ну и так далее. Для сугрева приняли на грудь все что с собой брали, закусили чем бог послал, пересказали друг другу байки, кто и как одним выстрелом убил лису, волка и даже ходил на медведя с рогатиной. Впрочем про рогатину я уже не помню, заснул на волке, сквозь дрему вспоминая слова Володи Высоцкого: «Идёт охота на волков, на серых хищников матерых и щенков».

Проснулся первым. Над озером клубился туман. Было удивительно тихо и как-то умиротворённо. Ноги от необычного ночлега затекли и я решил отправиться на разведку — гуси-то тоже, наверное, дрыхнут где-то, они ведь тоже притомились от дальнего перелёта, одно плохо — водку они не пьют принципиально. А то их пьяненьких можно было раз, два. Короче, взял я свою ненаглядную одностволку и пошёл вдоль озера, мечтая дальше. Долго шел, старался не шуметь, однако получалось плохо. Наконец километра за три от места нашей дислокации увидел их, «Голубчиков». Сидят себе тихонечко прямо у самого берега, спят. Спрятали свои шеи под крыло и даже часового не выставили. В карабине моего «Ижа» было три патрона. Вы, конечно, не поверите, но одного гуся я всё-таки подстрелил. Но больше всего

меня поразило то, что эти птицы настолько устали от своего перелёта, что даже не поднялись в воздух, а с диким гоготом убежали куда-то к центру озера, маша крыльями и семена по воде своими перепончатыми лапами. Лезть в холодное озеро за первым в жизни моим охотничьим трофеем мне не хотелось. Как заправский лесник, я сделал насечку на дереве, чтобы, значит, место приметить. (А для чего же нож в магазине покупал – вот таки пригодился!) и довольный пошёл назад в лагерь. По всему видать мои товарищи уснули много позже меня, дойдя в своих рассказах до охоты на антилоп Гну, бизонов и слонов. Никто из них не проснулся и моих победных выстрелов не слышал.

Мне оставалось только одно – сидеть у костра, наслаждаться бесподобным утренним чаем с еловым дымком и ждать своего триумфа. Ведь верна же пословица: кто радо встаёт, ну и так далее.

Часа через два на лодке приплыл егерь Спиридонович. Вместо вчерашних чуть прищуренных, лукавых, но добродушных глаз смотрели на меня колючие и и сверкающие праведным гневом очи Зевса громовержца. Вместо приветствия он бросил на землю мою мокрую добычу.

– Ну, признавайтесь, гады ползучие, олухи царя небесного...

Ну а дальше, я его слова цитировать не могу, вдруг дети малые сей опус прочитают.

– Кто из вас, нехристи, моего лучшего гуся угробил? Я же его, красавчика, на Рождество берег.

Во всем этом радовало только одно – олухи царя небесного все ещё не проснулись, а посему пара солидных купюр из моего кармана довольно быстро сменила его гнев на милость.

Обед в этот день состоял из наваристой похлёбки из дикого гуся и подробного рассказа Спиридоновича, как я лихо почти в потёмках смог подстрелить самого вожака стаи.

На просьбу всей остальной братии немедленно идти и продолжить столь удачно начатую охоту, егерь размахивая руками категорически возразил.

– Нету более стаи, улетели, сердешные, как же они теперь

без своего жоака, намаются поди. При этом он почему-то нежно поглаживал слегка оттопыренный карман своей фирменной куртки.

МОНОЛОГИ О МОЕЙ РЫБАЛКИ

РЫБАЛКА НА РЕКЕ ТОЛА, ПРИТОКЕ ОРХОНА

Хочу признаться тебе, дорогой мой читатель, в том что увы, но я принадлежу к тому явному меньшинству особой мужского пола, которое совсем не любит рыбалку. Да, да, я не кривлю душой, крайне редко, но встречаются такие вот мужики – не любят ловить бедную рыбу и все тут.

Ещё с малых своих лет, живя в пятидесяти метрах от славной реки Кубань, я предпочитал общение с книгой банальному лицемерию удилица и поплавка. И на призывный зов соседских мальчишек – пойти вместе с ними и наловить пескарей для кошки, помахивал им в ответ увесистым оранжевым томом собрания сочинений Майн Рида.

Я вырос, окончил школу, а затем Высшее учебное заведение, именуемое в народе Краснодарский Политех, и в конце концов угодил в Монголию выполнять свой интернациональный долг. Скажу вам по секрету, что жители этой удивительной страны рыбу не ловят и в пищу ни в каком виде не употребляют. Более того, согласно канонам ламаизма, эти создания считаются священными, так как вообще не ходят по ещё более священной земле.

Это я к тому говорю, что в маленькой речке по имени Тола, текущей в той далёкой, стране этой рыбы скопилось, как бы это сказать – хоть пруд пруди. Речка сама по себе не очень глубокая, метра три в глубину, не более. Зимы в Монголии сказать, что суровые – не сказать ничего. Температура зимой в минус тридцать считается так себе, по их меркам, слабым морозиком. Если

ветра нет совсем, что частенько бывает в зимние месяцы, и влажность на плоскогорье не велика, то действительно такой мороз почти никак не ощущается, просто уши сворачиваются в трубочку, щеки белеют, а так более ничего.

В один из таких дней предстояло группе советских специалистов, в том числе и мне, съездить в аймак Рашаант, тот самый, в котором когда-то родился единственный монгольский космонавт Жугдэрдэмидийн Гуррагчá. Руководитель нашей группы спросил меня: «Как ты относишься к зимней рыбалке?» Я честно ответил, что никак не отношусь, да и удочек у меня никаких нет.

– Понятно, – сказал он. – Но хоть кирка у тебя есть?

– Конечно есть, а то вы не знаете. Мы ведь элеватор строим, как же без кирки, без кирки его никак не построить.

– Вот тогда возьми её. Непременно возьми. Вот увидишь, в дороге обязательно пригодится.

Я же практически из Улан-Батора никуда не выезжал, что там в дороге может понадобиться, понятия не имел, да и с начальством, как известно, лучше не спорить. Сказал взять сей строительный инструмент, значит надо брать. Ему, начальству, понятное дело – завсегда виднее.

И вот наконец настал день нашей поездки. Выехали ещё затемно. Часа через четыре, когда наконец рассвело, сделали, как говорится, санитарную остановку. Все путешественники взяли припасённые кирки и пошли на берег реки. Понятное дело, пошёл и я, нельзя же в самом деле от коллектива отрываться. Приходилось ли тебе, дорогой мой читатель, долбить лет реки, промёрзший метра этак на два, два с половиной. Ещё та, замечу тебе, работёнка. Когда где-то там в низу послышался треск. Самый бывалый из нас громко скомандовал:

– Всем назад, а ещё лучше, быстро бегом в машину.

Дважды команду ему повторять не потребовалось. Раскрасневшиеся и уставшие донельзя мы мигом очутились в теплом и уютном УАЗике. Сзади, что то сильно треснуло и громынуло. Моё местно было на самом заднем ряду, любопытство пересилило, и я кое как рассмотрел в заиндеветое автобусное окно,

что на том месте, где мы минуту назад стояли появился довольно высокий столб воды. Водитель рванул с места, как действующий пилот известной команды, участвующей в заездах «Формулы-1».

День в аймаке Рашаант пролетел незаметно, возвращались уже затемно. Водитель остановил УАЗик на месте нашей утренней каторжной работы и включил все фары.

В радиусе двадцати метров от «нашей лунки» на льду валялась замершая рыба разной величины и разного вида.

Дело в том, что зимой вода в Толе промерзает на две трети её глубины. Давление у дна реки становится много большим, чем одна наша атмосфера. Вот вода фонтаном и вылетает через рукотворное отверстие, увлекая за собой скопившуюся там рыбу.

Короче, вернулись мы домой с солидным уловом добытым не при помощи удочки или, на худой конец, рыболовной сети, а исключительно при помощи строительной кирки и знания физики.

РЫБАЛКА НА РЕКЕ УРЮМ

Лет этак через пять после описанных выше событий судьба забросила меня на остров Сахалин. Да, да, тот самый, с которого бросают камешки в далёкий пролив Лаперуза.

Остров есть остров, поэтому быть жителем этого региона и не быть рыбаком просто невозможно. Более того, я вам сейчас расскажу, почему выращенные в тамошних теплицах помидоры пахнут рыбой. А потому, что рядом с каждым кустом находчивые островитяне втыкают в землю по одной мойве или даже корюшке. Лучшего удобрения природа-матушка ещё не придумала. Ну, а то, что запах у овоща не совсем привычный, так на острове вообще все пахнет рыбой, что тут подделаешь. Хочешь есть – привыкнешь.

В небольших речках этого острова нерестится рыба семейства лососёвых. А это значит, что погуляв на океанских просторах годик-другой, весьма приличные рыбины наглым образом возвращаются точно в те места, где вылупились из икринок. И ника-

кие пороги, и ни какое течение им не помеха. Инстинкт, и никуда от него не деться.

Как-то в конце лета приехали ко мне в гости друзья из столицы нашей Родины.

— Слыхали мы, что в здешних местах рыбалка знатная. Так ты, хозяин, сделай милость, свози нас на местную речку. Посидим с удочкой, порыбачим. Отойдём душой и телом от суеты московской. Ну и что прикажете мне делать, закон гостеприимства обязывает. Повез я их, сердечных, на близлежащую речку под названием Урум. Шириной эта водная артерия не велика — метров десять не более, да и глубиной метра полтора-два.

Спрашиваю их по дороге.

— Вам как сподручнее ловить, с бережка или с мостика?

— С мостика, — отвечают, — чтобы значит сверху в речку чистую глядеть, за процессом наблюдать.

Ну мостика, так с мостика. Зашли мы на мостик. Гости, достали новомодные импортные спиннинги и только тогда глянули вниз.

Под ними сколько хватало газ, от берега до берега, касаясь друг друга боками, шёл на нерест лосось. В это период у рыб вырастает зуб, с помощью которого они копают ямки. Куда самки откладывают икру, и все рыбы без исключения приобретают красный цвет.

Воды внизу не было видно совсем, под нами нескончаемым потоком текла кроваво красная рыбная масса. Зачарованные таким зрелищем мои спутники напрочь забыли о своих снастях, достали фотоаппараты и стали делать, как это называется нынче, ах да, «селфи» с зубатками.

Вернулись мы домой так и не выловив ни одной рыбины.

Однако во дворе нашего дома, откинув задний борт, стояла машина местного рыбсовхоза.

Продавец лениво отгонял газетой мух от привезённого товара. Покупателей видно не было.

— По чем рыбёшка? — с ехидством в голосе спросил я.

— Рупь штука, — не глядя на меня ответил продавец.

– А ты, мил человек, самца от самки отличить можешь? – не унимался я.

– Конечно, запросто! – оживился он, признав во мне возможного покупателя.

– Ну тогда отбери мне десяток самок. Я тут рядом живу, ежели попадутся самцы, уж не взыщи, верну назад.

– Да, без проблем, – обрадовался он. – Я тебе ещё пару штук сверху накину, на всякий случай.

Дома, к великой радости своих гостей, я быстренько сварганил так называемую красную икру – пятиминутку. Но прежде чем начать мазать её на хлеб, мои гости устроили «селфи». На этот раз с тазиком икры.

Мои портативные страдания.

Так уж вышло, что с малых своих лет я был ярым поклонником портативных устройств по передаче информации. Пределом мечтаний был, в то время, для меня радиоприёмник на батарейках, тогда их любовно называли красивым словом «портативный». Мои родители считали эту мою страсть «буржуйской блажью», а о том, что бы дать мне денег этот самый «портативный», и речи быть не могло. Самый дешёвый из этих приёмников на семи транзисторах, или просто «транзисторный», с красивым именем «Альпинист» стоил тогда 27 рублей 50 копеек. На завтраки в школе мне выделялось из скудного семейного бюджета целых 10 копеек, поэтому можете посчитать сами, сколько лет мне надо было копить на этот, пахнувший новой пластмассой, двух диапазонный «Альпинист». Набор деталей для приёмника в магазине «Юный техник» стоил чуть больше семи рублей, но был страшным дефицитом и купить его для нас, мальчишек тех лет, было большой удачей. А пока, каждый день кладя в копилку заветный гривенник, я собирал простенькие устройства состоящие из наушника и диода «Д2В» или «Д2Ж». Диоды приобретались в «Юном технике», а вот откуда я брал наушники, рассказывать не буду, догадайтесь сами. Намекну лишь, что в эпоху отсутствия сотовых телефонов на наших улицах кое где

стояли такие серенькие будочки, и в них были приборы, за две копейки позволяющие.....

Если к такому моему устройству присоединить антенну из проволоки, а ещё лучше присоединить эту проволочку к батарее парового отопления, предварительно очищенную от краски, то в наушнике можно было услышать трансляцию новомодной радиостанции «Маяк».

Прошли годы, я закончил школу, а затем и Политехнический институт. Стал получать заработную плату, хоть и не большую, но постоянную.

Решил жениться, а как же без этого. При подаче заявления в ЗАГС будущим молодожёнам полагались талоны, которые можно было отоварить в магазине под названием «Салон новобрачных». В нем можно было приобрести дефицитные обручальные кольца, костюмы и платья, изготовленные не в нашей стране, а в государствах-членах СЭВа.

Понятное дело, что поход в этот самый салон был для нас событием эпохальным. Свадьбы ещё не было, гости никаких денег нам ещё не дарили, моя зарплата за пару месяцев, да моей суженой — вот и все наши сбережения. Настал тот день, когда мы наконец открываем дверь в мир неведомых товаров. Различного фасона платья из новомодного кримплена и трикотажа, белые туфли «лодочка» на высоком каблуке. Но самое главное: на драпированной красным бархатом тумбочке стоит он, его величество, самый большой в мире портативный радиоприёмник высшего класса «Ленинград -002» с эмблемой «Знак качества» на самом видном месте. То, что это чудо тогдашней техники весило килограмм этак восемь, без учёта массы комплекта батареек, не имело никакого значения. Он был все диапазонный, ну то есть диапазон коротких волн начинался с девятнадцати метров, и это давало потенциальную возможность слушать легально некоторые вражьи голоса, на других частотах постоянно забываемые «глушилками». В нем даже были кнопки фиксированных настроек, аж на три станции УКВ. Ну а теперь скажите мне, какой польский костюм или какая пара болгарских туфель смогут убе-

дить меня отказаться от покупки этого чуда советского радиопрома? Двести двенадцать рублей легли на тарелочку перед кассиршей, а в талоне появилась отметка «товар будущим молодожёнам отпущен». Всего доброго товарищи брачующиеся.

Сказать, что начало моей супружеской жизни было безрадостным, это не сказать ничего. Ну что тут поделаешь, если моя вторая половина, мягко скажем, не разделяла моей страсти к этим самым приборам передачи информации.

Прошло ещё несколько лет. Однажды в Ташкенте я зашёл в одну статусную столовую, переоборудованную под бар. Под потолком на солидных кронштейнах висел телевизор «Рубин» в 64 сантиметра и, можете себе такое представить! Будничным днём транслировал выступление берлинского балета «Фридрих штатт Палас». В то время в УзССР телевизоры транслировали целых три канала. Два центральных и один местный. Этот самый «Фридрих штатт Палас» можно было увидеть только под утро первого января, этак в четыре утра, в передаче «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», да и то один или два номера, не более.

Улыбающийся бармен протягивая мне молочный коктейль, коротко и важно произнёс: «Запис! Видео!»

Я, честно сказать, ничего не понял, вышел под жаркое южное солнце и стал гордиться местными умельцами, сумевшими каким-то образом соединить любительскую кинокамеру с телевизором.

А спустя год меня командировали в Монгольскую Народную Республику, исполнять интернациональный долг и строить в столице этой страны новый элеватор. Поскольку Монголия считалась вполне дружественной по отношению к СССР страной, то жёнам совзагранслужащих разрешалась работать. Моей супруге, в общем-то, повезло — она устроилась в ДСНК, что в переводе означает Дом Советской Науки и Культуры. И можете себе представить, там зарплату выдавали не рублями, и даже не тугриками, а зелёными американскими долларами. Аж 24 однодолларовых бумажки в месяц, за вычетом комсомольских и профсоюзных

сборов на руки – 21! Сей факт давал нам законное основание посещать настоящий валютный магазин. Товары в нем стоили столько, что двухлетней командировки не хватало на их приобретение. Одним из доступных нам товаров были какие-то коробочки с надписью «VHS» «JVC». Одна такая коробочка стоила семь долларов. Как глава семьи, обладающий неоспоримым правом распоряжаться семейным бюджетом, я однажды взял да и купил три этих коробочки.

На удивленный взгляд супруги коротко произнёс: «Точно знаю, пригодятся».

Прошло ещё два года, мы вернулись в родной Ташкент. Однажды со своими студентами я оказался на обязательных, в то время, сельхозработах. Невесть откуда взявшийся холодный фронт смог одолеть близлежащий горный хребет, смешался с горячим воздухом двух пустынь, и над нашим кишлаком развезлись хляби небесные. Дождь лил не переставая.

Встал вопрос о нашем отъезде. Местному председателю колхоза такой поворот событий был крайне невыгоден. Дармовую рабочую силу отпускать ой как не хотелось. Мужик он был сообразительный и нашёл оригинальный выход. А именно: принёс из дома и подключил к нашему телевизору удивительный прибор со странным названием «видеомагнитофон». Так я впервые услышал голос Володарского и с удивлением узнал, что тамошние фильмы постоянно прерываются чудеснейшей рекламой. Особенно мне запомнилась реклама джинсовых штанов какой-то фирмы со смешным названием «Леви Страус». Вообще странные эти люди – капиталисты – тратят деньги на рекламу того, что и без всякой рекламы здравомыслящий человек оторвёт вместе с руками.

Однако теперь у меня появилась цель в жизни, я наконец понял, какое богатство хранится в трёх коробочках, привезённых мною из Монголии. Я возжелал видеомагнитофон. Как я его доставал через чёрный вход в магазин «Березка», как давал взятку чеками «Внешпосылторга», расскажу в другой раз. Но в конце концов я стал обладателем удивительного прибора,

способного записывать и воспроизводить не только звук, но и изображение. Мой сосед заглянул ко мне на минутку, три часа без отрыва смотрел похождения «Терминатора» и «Командос». С трудом поднялся со стула, размял отёкшие ноги и произнёс: «Вообще-то, если честно, то эти фильмы цветные». Я как-то одному барыге сантехнику на даче менял, так у него там телевизор импортный имеется и он, гад, эти фильмы в цвете смотрит. Зараза.

Вот пишу сейчас эти строки, а мои потомки сортируют в ящике шнуры зарядных устройств к сотовым телефонам. Где-то на дне его лежит самодельный шнур позволяющий переписывать видео кассеты с одного видеоманитофона «ВМ-12» на другой, там же валяется и микросхема преобразующая сигнал «ПАЛ» в «СЕКАМ».

Конечно, прогресс не стоит на месте, канули в лету аудио и видео кассеты, ещё совсем чуть чуть, и туда же последуют CD диски. Молодёжь поголовно обзавелась портативными приборчиками, называя их заграничным словом «гаджеты». Порой мне проще позвонить своим детям из комнаты в комнату, чем заставить их отложить в сторону смартфон и просто пообщаться по-человечески.

К чему я это говорю, а к тому, что прав был наш известный сатирик Аркадий Исаакович Райкин, однажды произнёсший: «Пусть все будет, но пусть чего-то не хватает!»

СЫРНАЯ ТАРЕЛКА ФРАНЦИИ

Вы знаете, как проходят забастовки во Франции? Нет. Тогда я вам сейчас расскажу. Вот, например, инвалиды этой цивилизованной европейской страны решили напомнить о себе правительству и в очередной раз потребовать от него улучшения условий своего существования. В преддверие этого события на всех афишных тумбах, а так же на остановках общественного транспорта развешиваются объявления на французском, английском

и! на Русском языке. О том, что господа инвалиды в такой-то день и такой-то час перекроют все близлежащие магистрали. В связи с чем они заранее приносят свои извинения за доставленные хлопоты. «А при чем тут сыр?» – спросит удивленный читатель и будет как всегда прав.

Все дело в том, что я, мои домочадцы и прочие пассажиры туристического автобуса застряли как раз в том месте, где пикетировали эти самые инвалиды, нам предстоял многочасовой объезд сего места, причём не нам одним, а всем многочисленным и обозленным владельцам разнокалиберных авто. Исходя из этого, об ужине в тихом и уютном парижском ресторанчике оставалось только мечтать.

Моим малым потомкам особенности борьбы инвалидов за свои права объяснить было трудно. Поэтому было принято решение в кратчайший срок, а именно в оставшиеся до отъезда автобуса пятнадцать минут, срочно посетить парижский «дискаунтер», расположенный всего-то в трёх кварталах от стоянки нашего автобуса.

Что из себя представляют «рысистые бега» вам, наверное, известно. Так вот, именно этим видом спорта, только без лошадей, мы и занялись, поминутно посматривая на часы. Дело в том, что большинство столичный магазинов-дискаунтеров двухэтажные, только этажи идут не вверх, а вниз. Первый плюс подвальный. И на первом этаже, как вы уже догадались, конечно же, представлены шедевры французской швейной промышленности и не совсем «высокой моды», а для гастрономических изделий приспособлен подвал. Так как у сытых французов еда не на самом первом месте.

Влетев в такой магазин, мы в мгновения ока разметали все платья и вышитые сорочки, после чего дружной голодной толпой ринулись к лифту, идущему в заветное царство «его величества ЕДЫ».

Если мне память не изменяет, ещё Шарль де Голль, работая в должности Президента Франции говорил: «Как управлять страной, где производят 325 сортов сыра?» Уверяю вас, его данные

о количестве сортов данного кисломолочного продукта очень сильно устарели. Окинув взором огромный прилавок с этим деликатесом, я понял, что представленное здесь количество однозначно перевалило за пять сотен.

Прочитать, а тем более понять, что написано под ценниками, с моим «глубоким знанием» французской грамматики было совершенно невозможно, к тому же временной цейтнот давил все сильнее.

– Дочь, марш за коньяком, – прорычал я, все ещё не приведя в порядок своё дыхание.

Сам же принялся тыкать наугад в витрину, таким международным жестом давая понять расторопной продавщице, что именно мисье туристу угодно. Понятное дело, что речь о весовом количестве была уже совершенно неуместна.

Продавщица действительно была очень расторопной, она моментально распознала во мне «лоха конкретного», да к тому же ещё и иностранного. В пакет полетели самые дорогие сорта, с самым, что ни на есть, специфическим запахом.

Дочь с двумя бутылками коньяка «Х.О.» оказалась у кассы раньше меня и поставила это чудо на транспортёр.

Здоровенный афро-француз сидевший за аппаратом улыбнулся ей в 32 своих белых зуба.

– Мадмуазель, во! – он поднял два больших пальца вверх.

Всем своим видом показывая, как он сильно уважает девушку 15-ти лет от роду, способную в одиночку осилить полтора литра крепкого, натурального французского коньяка.

– Ноу – произнёс он дальше, и стал мотать головой из стороны в сторону.

Мол, он конечно горячо одобряет, но вот закон демократической республики никак не велит продавать алкоголь лицам, ну и так далее.

Дочь пожала плечами и тихо произнесла: «Папа» – делая ударение на последнем слогe, одновременно кокетливо показывая пальчиком в мою сторону.

Афро-француз глянул на меня и мгновенно сообразил, что

такому верзиле как я, да ещё с огромным пакетом сыра, две бутылки явно никакого вреда причинять не смогут. Поэтому он тут же прекратил попытки «лёгкого флирта» с моей дочей, угрюмо выбил чек, и протянул руку за кредитной картой.

В автобусе, спешащем к границе Германии, мы пытались понять

причину такого разнообразия местных сыров. Отламывая кусок за куском, мы рассуждали, что дело кроется в разнообразии ландшафтов, от сочных и богатых пастбищ, неподалёку от морских берегов, до многотравных горных лугов Оверни, Юры и Вогезов. И ещё просто огромное количество коров самых различных пород. Плодородные долины Луары и Роны – просто рай для местных коз, которые отыскивают себе пропитание у края виноградников, и карстовые высокогорья Прованса, Лангедока и Пиренеев – это уже вотчина тамошних выносливых овец. Но самое главное – это, конечно-же, сами французы, многие поколения сыроваров, тщательно, прилежно и искусно учившихся извлекать лучшее из молока своих животных. И ещё одно и, наверное, самое, что ни на есть важное – этот народ умеет ценить индивидуальный вкус своего «сырного ассорти». Они справедливо считают сырное богатство, дарованное им всевышним, есть не что иное, как часть их знаменитого умения жить и ежедневно наслаждаться этим богатством, угощая (за немалые деньги), конечно, многочисленных туристов со всего мира, ежегодно стремящихся в эту замечательную страну.

Наш ужин из хлеба и сыров распространял неповторимых аромат на весь автобус, но никто из его пассажиров даже и не подумал возмутиться, потому что все они предавались такому же чревоугодию, как и мы. А за окном автобуса мелькали те самые поля и те самые коровы, о которых я вам уже рассказал.

Испания, Каталония, Монсеррат и прочие сыры.

Кто из вас не слышал про Барселону, райское такое местечко на берегу самого что ни есть Средиземного моря? Конечно же слышали и даже бывали, скажут мои возмущённые читатели,

что ты вообще нового можешь рассказать нам про Испанию, Каталонию и вообще про Пиренейский полуостров? Действительно, и о Коста Браво, и о Коста Дорадо, и даже о знаменитой горе Монсеррат написано немало. Зайдите в любое, даже самое маленькое, туристическое агентство и перед вами вывалят целую кучу красочных буклетов с видами этой далёкой страны. Поэтому я не буду подробно останавливаться на том, как с замиранием сердца, и стараясь не глядеть вниз, поднимался на эту самую гору, как потом не мог оторвать взгляда от неземной красоты, открывшейся передо мной. Вы и без меня прочтёте о знаменитейшем монастыре, расположившимся на склонах гор и о скульптуре под названием «Чёрная Дева Монсерратская», которая, согласно преданиям, исцеляет всякую хворь человеческую, а попутно ещё и решает насущные финансовые проблемы всех паломников, к ней обратившихся. Глядя на весёлых каталонцев от мала до велика, самозабвенно танцующих свою знаменитую «Сардану», и в самом деле начинаешь верить, что «таки да», решает денежные проблемы, правда, выборочно, в основном для местных жителей, зато поголовно! Как и полагается, на выходе из монастыря расположены многочисленные лавки торгующие, различными сувенирами, оберегами и, конечно, местной снедью. Не буду здесь разглагольствовать о знаменитом местном ликёре «Крема Калана», дабы меня не обвинили в пропаганде пьянства и алкоголизма. Лучше я расскажу вам о сыре под названием Petitot Peq. Все дело в том, что дорога из монастыря идёт под гору, идти легко, а разнообразные сырные запахи и лёгкий тёплый ветерок делают все, что бы ноги сами собой, независимо от команд из мозга, поворачивали в сторону затейливо разукрашенных столов с сырными нарезками. И вот уже разбитные каталонки наперебой призывают вас попробовать продукцию местного «сырпрома». Из их рук вкусно все, но Petitot Peq выше всяких похвал и вне конкуренции. Изготавливают это съестное чудо в одном единственном месте Испании, а именно в каталонской деревушке под названием Терраделес. Вам, наверное, уже понятно, что козы в этой деревне водятся исключительно особые,

и молоко, которое они дают, тоже особое. Оно отдаёт нотками трав и грибов. Гоняю во рту сырнй шарик, и он, как хорошее марочное вино, раскрывает весь свой вкус. Я чувствую этукую слабую кислинку. Потом мне начинает казаться, что сыр чуть-чуть солоноват. После чего во рту появляется совсем лёгкая горчинка. Все понимающая продавщица протягивает мне бокал сухого испанского вина. Я не на вершине горы Монсеррат, честно вам признаюсь, я на вершине блаженства. Бездушное время продолжает свой бег и, к сожалению, в памяти стираются не только события, но и вкусовые ощущения. Теперь, по прошествии нескольких лет, всего букета этого сыра, к сожалению, не припомнишь. Колоссальный выбор испанских сыров со всех областей этой удивительной страны, изготовленных из коровьего, овечьего и козьего молока, полученные путём кислотного, ферментативного и смешанного свёртывания, просто поражает воображение. Сыры с корочками всех типов и различных цветов: натурального, с маслом, с вином, паприкой, коричневого цвета, покрытыми ароматными травами лежат в каждом местном магазинчике. Это пиренейское королевство смогло объединить в себе самые разные древние культуры и стало настоящим раем для производства сыров. Испания, как и соседняя Франция, наделена разными типами климата: атлантическим, средиземноморским, континентальным, альпийским, субтропическим. Сочные долины и травы высокогорья на севере, обширные кастильские равнины и ледниковые горные массивы Пиреней, и так далее, и тому подобное. В конце, дорогой мой читатель, хочу открыть тебе одну простую истину, которую после некоторого усилия постиг и я: в каком бы городе этой удивительной страны ты не очутился, какой бы местный сыр не попробовал, всегда помни, у тебя сейчас во рту всего лишь индивидуальное вкусовое сочетания — проще говоря, вариант! Испанцы же народ, в основной своей массе, простой. А по сему говорят они удивительно ёмко и по-народному просто: «Главное, что бы то, что попало вам в рот в данный момент, было вкусно!»

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ КУХНИ В МЕСТАХ ОБЩЕПИТА

Если кто подзабыл, я вам напомню, в далёком 1998 году случился в нашей стране очередной экономический кризис. Банки лопались, фирмы, фирмочки и прочие бизнес структуры разорялись пачками, но мне несказанно повезло. Я тот год трудился в одной итальянской фирме, сами понимаете кем, конечно же менеджером по продажам. И руководство этой конторы справедливо решило, что в создавшихся экономических условиях надо резко менять номенклатуру реализуемой продукции, а попростому одну группу дорогих товаров надо срочно заменить на другую, более дешёвую. Вот для изучения этой группы я и угодил в заграникомандировку, в самую что ни на есть развитую капиталистическую страну, а именно в солнечную Италию. Поехал я туда, конечно, не один, а в составе большой группы обучающихся. Поскольку никто из нас не владел каким либо другим языком, кроме великого и могучего, то к нам в качестве переводчика приставили бойкого старичка по имени Франко. Жена Франко много лет назад каким-то неведомым образом смогла уехать из Советского Союза, хорошо владела итальянским, но иногда в разговоре с мужем употребляла русские идиоматические выражения, которые наш переводчик и запомнил.

Нас возили по разным заводам, показывали и рассказывали, как происходит процесс сборки тех или иных машин и агрегатов, а Франко, так же как и мы, впервые видя все это, как мог переводил. Его словарный запас состоял из примерно из тридцати слов, двадцать пять из которых относились к разделу «матерные слова категорически запрещённые в литературной речи». Поэтому перевод на русский язык принципа работы агрегата непрерывного экструдирования выглядел примерно так: «Вот из этой зелёнойны вылезает колбаса, точь в точь, как из нашей ж..... Только мы это делаем один или два раза в день, а это тварь с.....т непрерывно, круглые сутки, причём, скотина железная, ещё и воняет не как мы, а жареной покрывкой, что гораздо хуже. Так

как к запаху г...., мы давно привыкли, а к этому ещё нет.» В нашей группе были девушки, которые от такого перевода первое время краснели и немного смущались, но быстро привыкли и хохотали от души, вызывая такой своей реакцией нездоровое любопытство тамошних рабочих и инженеров.

Трудолюбивые сборщики диковинных агрегатов никак не могли взять в толк, что такого смешного в машинах, которые они собирают на своём конвейере.

Курс обучения был более чем ускоренный, как и всякие «акулы империализма», итальянцы хорошо умели считать каждую свою лиру, а посему водили нас обедать, скажем мягко, не в самые изысканные рестораны. Нашему гиду и переводчику на прокорм каждого из нас выделялась какая-то очень засекреченная сумма денег, от которой старичок предпочитал иметь свой «небольшой гешефт», а по сему, соблюдая правила приличия, пытался нам втолковать, что самая калорийная итальянская пища – это салаты или спагетти, на худой конец. Он бойко тыкал пальцем в строчку меню, при этом складывал губы трубочкой, причмокивал и произносил громко и на распев: «фан-та-стик, вашу мать!»

Я быстро усвоил алгоритм его ресторанных заказов, поэтому просил его персонально для меня заказывать пиццу, только пиццу и ничего кроме пиццы, так как в некоторых её сортах все же иногда попадались кусочки мяса или хотя бы колбасы.

Был в нашей группе один парень, если мне память не изменяет из Новосибирска, в отличие от каждого из нас, он уже не первый раз был за границей, правда в странах бывшего СЭВа, но это не важно. Поэтому на правах знатока иностранных блюд он отважно вырвал из рук Франко довольно толстое меню и стал внимательно его изучать. Не знаю как сейчас, но в то время никаких фотографий блюд в эту книгу не помещали, а может быть нас просто водили в те заведения, где о иностранных туристах никто и слыхом не слыхивал.

Минут двадцать наш товарищ изучал заветную книгу, наконец, оставив попытку произнести итальянское слово состоявшее

из тридцати букв, причём гласных в нем было не более пяти, устало ткнул пальцем в строчку, повторив при этом, подражая нашему Франко: «Фантастика, вот сами увидите!» Матерные слова он из вежливости в своём монологе упустил. Понятное дело, человек культурный, не зря по заграницам скитался.

Мы все уже поели и даже выпили по бокалу отличного тосканского вина, милостиво принесённые каждому из нас, разумеется за счёт заведения. Некоторые из нас уже пытались впасть в послеобеденную дрему и даже пару раз всхрапнули. А заказанное блюдо не несли.

Фрнако, вытерев пот со лба, пошёл на кухню, узнавать как там дела. Сказать, что всю группу без исключения распирало любопытство – не сказать ничего. Мы уже забыли, что время обеда давно закончилось и нам всем полагалось быстренько переместиться на близлежащий машиностроительный завод.

Все официанты заведения дружно выстроились у стойки бара, наблюдая, как группа «руссо туристо» в полном составе ждёт одно единственное кушанье.

Наконец, откуда то из глубины зала показался улыбающийся официант, который нёс на вытянутой руке большое блюдо закрытое сферической крышкой.

У всех присутствующих невольно вырвался возглас, без сомнения означающий окончание томительных ожиданий.

Любитель высокой итальянской кухни из русского города Новосибирска, волнуясь, снял крышку.

На дне тарелки в разбавленном гороховом пюре плавали несколько штук тонких макаронин.

Кстати хочу вам дать совет. Будете в Италии, никогда не заказывайте тамошние блюда со спагетти. Итальянцы их никогда не доваривают, поэтому их приходится очень долго жевать. Зато они очень эффектно накручиваются на вилку.

Каймок или любовь с первого вкуса.

Хотите я расскажу вам (по секрету!), что самое вкусное-превкусное на свете? Это то, что почти каждый день ест на завтрак

любая узбекская семья. Не надо гадать, это не торт «Наполеон», и не конфеты «Птичье молоко», и даже не суфле с орехами. Это каймак (каймак – на узбекском) с горячей, только что вынутой из тандыра, лепёшкой. Пишу эти строчки, а у самого от воспоминаний слюна во рту выделяется. Что поделать, академик Павлов был прав со своей подопытной собакой и её «фистулой»

Каймак, скажу я вам, это, несмотря на все вышесказанное, не простая каждодневная еда. Наверное поэтому многие из нас даже не догадываются о его существовании. Но могу вас заверить, стоит вам хотя бы раз отведать сей продукт и всё. С первой секунды пребывания в вашем рту, потребитель влюбляется в него окончательно и бесповоротно.

Нежно-бело-жёлтый, как летнее облачко, очень похожий на сметану или даже мягкое сливочное масло, тягучий и как-то по-особенному сладкий.

Если откровенно, то каймак – это жирные сливки, полученные из кипячёного молока. Повторюсь ещё раз, это не сметана, они совершенно разные, с разными вкусами, с разной технологией приготовления.

Понятное дело, что в современных условиях каймак получают из молока с помощью специальных сепараторов, обеспечивая при этом гораздо больший выход продукта.

Такой продукт делают, конечно же, для продажи. Я же хочу рассказать вам об одном из старых (дедовских) способов, когда каймак делают исключительно для себя или для близких людей.

И так, для начала возьмём молоко (не из магазина, а из свежего надоя!), затем процеживаем и кипятим. Разливаем в касы или глиняные чашки (но не в европейские глубокие тарелки – это важно!), затем накрываем чистой марлей. Храним в прохладном, но ни в коем случае не в холодном месте.

Спустя 12–15 часов на поверхности молока появится слой сливок. Надеюсь, вы догадались, что количество сливок зависит от жирности и качества молока. Но в любом случае их получается не так много, как на сепараторе. Вот именно их мы аккуратно собираем в отдельную посуду и оставляем в тени. Эту массу нуж-

но взбить, можно, конечно, привычным нам электрическим миксером, но уверяю вас – если это делать деревянной лопаткой, получится гораздо вкуснее.

Затем все это кладем в небольшой казан и на огонь, буквально на 2–3 минуты, не более. Казан остыл, отправляем его в холодильник или ставим на лёд. Густой, бело-желтоватый каймак готов.

В русском языке есть знакомее с самого детства вкусное слово «мороженное», а вот в узбекском языке это слово звучит как «музкамок», в буквальном переводе – замороженный комок или, совсем уж в простонародном, ничего вкуснее этого на свете нет!

Самый лучший напиток для прекрасных дам.

Читатели не раз писали мне письма с просьбой рассказывать не только о чае, но и молочных или кисломолочных продуктах культивируемых в странах, где мне пришлось побывать. К концу концов не чаем единым жив человек. А вот теперь догадайтесь, с какого известнейшего напитка я начну серию своих рассказов. Скажу сразу, что для женщин это просто божественный нектар и бальзам в одном флаконе. Но почему-то в наших краях его практически ни одна женщина не пьёт. Более того, если я сейчас преподнесу сосуд с этой удивительной жидкостью, то наверняка девять из десяти женщин брезгливо отвернутся, а десятая посмотрит, насупит носик, но пить откажется. Я уже говорил вам, что пару лет мне пришлось провести в Монголии, именно там я впервые попробовал его и полюбил до конца своей жизни. Иногда я покупаю его в элитных супермаркетах, но, увы, это совсем не тот напиток, хотя и стоит неприлично дорого. Начнём с того, что это очень древней напиток. Не ошибусь, если скажу, что ему более пяти с половиной тысяч лет. В чистом виде молоко этого животного пить нельзя. Практически у всех людей оно вызывает, скажем так, сильный слабительный эффект. Вот и придумали в далёкой древности сбраживать его при помощи молочнокислых бактерий. Старик Геродот не без основания называл эту

жидкость «молочным вином». И уверяю вас, он точно знал, что говорил. Обычно этот напиток содержит от 0,2 до 2,5% этилового спирта. Но народные умельцы могут поднять содержание спирта в нем до 4,5%. Более того, существует определённый вид этого продукта, в котором содержание спирта такое же, как и в нашей родной водке – 40%. Такой напиток не без основания называют «буйным» или, по-монгольски, «Архи». В каждом Аймаке, на каждом стойбище есть свой рецепт приготовления напитка. Технология приготовления этого напитка до удивления проста. Свежее молоко от этого животного выливается в специальную цилиндрическую кадку, на дне которой остаётся небольшая порция от прежнего напитка (примерно как закваска в тесте). После чего кадка закрывается крышкой. В крышке же есть специальное отверстие, в которое вставляется длинный шест. Эту смесь старого напитка и свежего молока надо было взбивать по нескольку часов в день в течение двух дней. Иногда ту же добавляют и свежие густые сливки, которые придают напитку необыкновенно мягкий вкус. Как я уже вам говорил, самый вкусный напиток можно получить исключительно в домашних условиях. На заводах, сами понимаете, весь процесс автоматизирован. Производство напитка происходит в несколько раз быстрее. Но даже ты, неискушённый читатель, легко отличишь заводской напиток от домашнего. Нетерпеливые дамы заглядывают в конец текста, чем, в конце концов, он полезен для их женского организма. Всё, всё, милые дамы более не буду вас томить. Перехожу к самому главному. Этот волшебный напиток замедляет процесс старения клеток организма и помогает надолго сохранить молодость и свежесть кожи. Именно этот напиток содержит в себе антибиотик, который прекрасно убивает туберкулёзные бактерии. В прошлые времена именно этим напитком довольно успешно лечили туберкулёзных больных. Им успешно лечили и дизентерии и брюшной тиф. Так как он весьма эффективно убивает всю патогенную микрофлору нашего кишечника и помогает полезным бактериям выживать в кислой среде желудка. Прочли дорогие мои женщины и заспешили в магазин. Не торо-

питесь, помните. Не стоит пить этот напиток литрами. Начините с пятидесяти грамм шесть раз в день и постепенно доводить этот объём до одного литра в сутки. Пить его нужно натошак, небольшими глотками и упаси вас бог выпить его вечером. Он обладает прекрасным тонизирующим эффектом и после него вам уж точно не заснуть. Не стоит пить напиток охлаждённым. Ну вот, пожалуй, и все, что я хотел вам сказать. Ах да, имейте в виду, в наших магазинах вы найдёте кумыс, приготовленный не с кобыльего молока, а с коровьего, что, согласитесь, не одно и то же. И все же, пейте кумыс и будьте здоровы!

УЗБЕКСКИЙ ШАРИК – КУРТ

Давным-давно судьба забросила меня в Ферганскую долину, в город Ассаке (Ленинск) Андижанской области. Для меня, кубанского парня, в той долине все казалось необычным. Страшно дефицитные, в то время, искусственные ткани «кремплен» и «трикотин» совершенно свободно, без всякого «блата», можно было купить в любом магазинчике города. Эти ткани не пропускают воздух и, несмотря на их удивительную расцветку и невысокую стоимость, местные жители их напрочь игнорировали.

Но я хочу рассказать вам не о тканях, а об одном удивительном сыре. В Узбекистане его называют КУРТ. Старики в тёплых стёганных халатах – «чапанах» – продавали бело-коричневые шарики, соорудив из них небольшие пирамидки. Я попросил продать мне один.

– Один так возьми. Пробуй. У вас в России такого не делают и вкуса его не знают, – дехканин протянул мне невзрачный шарик.

Я с трудом раскусил твёрдый, пахнувший копчёным сыром продукт. Никакого вкуса, чуть солоноватая субстанция и все. Пожал плечами и уже собирался уходить.

– Постой, не спеш. Торопиться не хорошо. Зачем торопиться? Пробуй ещё, хорошо пробуй. Денег не надо. Так пробуй, – он протянул мне пригоршню шариков.

Я стоял, держал в руках непонятное творение рук человеческих и не знал, что делать. Честно признаюсь, есть этот продукт мне почему-то не хотелось. Отдать назад как-то неудобно. Человек ведь от души дал, зачем его обижать. Стоял я так в нерешительности, наверное, минут пять. Подошёл ещё один продавец, налил в пиалу зелёного чая, протянул мне.

– Пей батыр, а этим закуси. Потом своё слово скажешь.

Я выпил терпкий горячий чай и съел шарики. Вот теперь их вкус мне показался изумительным.

Много позже я узнал, что его делают, используя уникальную закваску. Основным сырьём для этих шариков, как и для любых сыров, является молоко. Верблюжье в Киргизии или кобылье в Татарстане и Монголии. Курт из этих видов молока получается особенно питательным и уникальным. Так как содержит множество нужных для нашего организма микроэлементов. Я бы сказал, что такой сыр – это концентрат натурального молока и естественного консерванта – поваренной соли.

Ещё много веков назад курт начали брать с собой путники, паломники, пастухи и путешественники. Такой высушенный сыр никогда не испортится в дороге. Ему не страшны суточные колебания температур. Он очень питателен и помогает легче переносить жажду в знойных степях. А если его размочить в горячей воде, то вполне можно сварить густой сырный суп, а можно и потереть его на тёрке, как приправу к овощным салатам. Ну, а о том, что курт прекрасно подходит к пиву вы, наверное, и без меня уже догадались.

МОЕ ЗНАКОМСТВО С НЕСТИНАРАМИ

Несколько лет назад судьба забросила меня в нашу бывшую «шестнадцатую» республику. Братушки, они, конечно, братушки, только вот почему-то практически во всех войнах последнего столетия Болгария – союзник наших врагов. Печально, но факт. Да и с «Южным потоком» как-то неладно вышло. Но я хочу поведать вам не о внешней политике этой суверенной страны, и даже

не о ее бесподобном кислом молоке — «кисло мялко», которое есть только у них и нигде больше в мире. А хочу я поделиться с вами историей об удивительных людях, умеющих ходить босыми ногами по раскаленным углям. Забегая вперёд, сообщу, что я имею дурную привычку все проверять лично и, как Фома, не верить глазам своим. После всего увиденного я таки взял в руку самый маленький, крайний уголёк. Ну и, как полагается, получил сильный ожог ладони. Выходит у них все по-честному — раскалённый уголь, он раскалённый и есть. Балканские сумерки в одночасье переходят в тёмную южную ночь. Как говорят у нас — «ни зги не видно». Багрово красно мерцают раскалённые угли в потухшем костре, ну и звезды конечно тоже. Монотонно, в медленном ритме звучит бубен. «Угলেখодцы» настраивают себя в такт со звуками бубна. Наконец наступает момент, когда нестинары переступают через ограничения физического тела. Мне показалось, что они переходят на другой, скажем так, «духовный» уровень. К моему немалому удивлению, я отчётливо слышу звуки волынка. Этому шотландскому инструменту тоже нашлось место на сельском таинстве. Задолго до хождения по углям, нестинары выносят православные иконы. По обычаю их несут три девочки. Иконы опускают в источник возле деревни. Его в этом болгарском селе все почитают священным. После омоновения икон процессия обходит все село, кланяясь в сторону каждой хаты. Закончив довольно долгую процедуру, нестинары вводят себя в состояние транса и начинают танцевать, неся в руках священные предметы: иконы, полотенца, кадила. Они не просто ходят, они спокойно и ритмично пляшут на огне и не испытывают при этом никакой боли. Я смотрел на них, не моргая, и понимал, что в данный момент вижу что-то сверхестественное, простым людям совершенно неподвластное. Многовековой обычай ходить босиком по раскаленным углям связан с днем Святых Константина и Елены. Эти удивительные танцы зародились ещё в X веке, на заре прихода в Болгарию христианства. Местная легенда утверждает, что в те далёкие времена бесконечных войн, пожары были частым явлением на болгар-

ской земле, и однажды из одной горящей церкви прозвучал крик о помощи. Тогда один болгарский воин сквозь огонь бросился в церковь и вынес из пламени икону с изображением святых Константина и Елены. Местные жители говорят, что в момент хождения по углям, нестинары могут исцелять и предсказывать будущее. Иногда во время своего удивительного танца, нестинары берут на руки детей и подростков и проносят их над раскалёнными углями, чтобы те почувствовали жар. Таким образом из человека они изгоняют злых духов. Удивительные возможности нестинаров изучали многие учёные. Но до настоящего времени никто не смог толково объяснить, почему на босых ногах танцующих не остаётся ожогов, или почему не горит их одежда. Мои собственные фотографии с места события подтверждают, что все сказанное мною здесь — чистая правда и никакой не фотешоп.

ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ ИЛИ ВКУС КИСЛО МЛЯКО

После того, как я написал про болгарских «углеходцев» — нестинар, сразу посыпались письма, давай, мол, ещё, продолжай, что у них там есть интересенького. Даю, читатель, даю — твоё слово для меня всегда закон. Дорога нашей небольшой группы проходила через Шипкинский перевал, дело шло к обеду, спешить нам было не куда, вот мы и решили сделать привал в этом историческом месте. Высота этого перевала довольно приличная, как-никак 1185 метров. Наверху стоит памятник Свободе, к нему ведёт бетонная лестница. Вот я и решил, что если наши солдаты полтора века назад смогли затащить туда тяжёлые пушки, то мне по лестнице, да ещё в тени разросшихся деревьев подняться туда — просто раз плюнуть. Тем более, как говорят местные, там, наверху, сувениры всегда продают на несколько левов дешевле. Описывать моё полуобморочное состояние, когда я, высунув язык, добрался до подножья памятника, не стану. Лучше расскажу о том, как видя моё состояние, ко мне подошла пожилая женщина и молча протянула мне крынку с каким-то молочным напитком. Глаза этой жительницы близлежащего села, расположившегося на берегу реки Тунджи светились одновременно добротой и состраданием. Глиняная посуда в моих руках опустела мгновенно. Так я впервые познакомился с удивительным болгарским напитком «кисло мляко». Кое-как отдышавшись я с ужасом подумал, что мне ещё предстоит дорога назад, которая хоть и под гору, но все же моими уставшими ногами её предстоит протопать. Угадав ход моих мыслей, женщина хитро прищурилась, протянула мне кувшин побольше и сказала — «купи». В те годы отношение рубля к евро, а значит и к болгарскому леву, было вполне терпимое, выходило, что и цену предлагаемого мне товара кусачей назвать никак нельзя. Да и выбора у меня не было. Не купи я этот чудесный кисломолочный продукт — не видать мне больше родного микроавтобуса и моих дорогих попутчиков. В конце концов я же не солдат русской армии позапрошлого

века, а мельник с соответствующей фигурой и весом. Увы, передать вкус этого напитка я никак не смогу, дать вам попробовать тоже. Насколько мне известно, нынешнее эмбарго не разрешает импорт молочных продуктов из стран ЕС. Остаётся только рассказать о нем. Отрыл эту удивительную бактерию болгарский врач и микробиолог Стамен Григоров. В его родном тырнском селе Извор испокон веков подквашивали молоко с помощью местной закваски. Уезжая учиться в Женеву, Стамен прихватил с собой и местную закваску. В Швейцарии он проводил свои микробиологические исследования под микроскопом и открыл палочкообразную бактерию, которая, как он решил, является основой образования данного продукта. Он поделился результатами со своим руководителем, профессором Масолу, а тот, в свою очередь, ознакомил с бактерией и русского профессора Илью Мечникова. Сам Мечников проверил исследования Григорова и подтвердил судьбоносное открытие. Однозначно было доказано – болгарское кислое молоко улучшает самочувствие, укрепляет организм, стимулирует иммунную систему человека, а также обладает противораковыми свойствами. Высокая продолжительность жизни болгар в 60–80-х годах прошлого столетия объяснялась, в основном, использованием в пище подквашенного молока. Многие десятилетия самые современные лабораторий всего мира пытаются заставить лактобациллус булгарикус развиваться в условиях местного климата. Японское правительство и частные инвесторы вложили огромные деньги, а также массу своего самурайского упорства в приручении и одомашнивании коварной бактерии. Жители страны восходящего солнца поголовно обожают продукт под названием «Кисло мякко». Но всё тщетно. Коварная бактерия ни как не желает жить в других странах, даже в самых великолепных условиях. Как выяснилось, она абсолютный патриот и размножается исключительно в маленькой и бедной Болгарии.

МЕТЕОРЫ ИЛИ ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЕЗДКЕ В СТРАНУ СКАЛ

Вот скажите мне, дорогие мои читатели, куда вас больше тянет после Болгарии, только честно: в мусульманскую Турцию или в почти родную, православную Грецию? Предки которой, живя в Византии, нарекли нашу с вами Русь «Третьим Римом», а четвёртому, как известно, не бывать! Вот и меня на распутье двух болгарских дорог потянуло туда, а именно на равнины Фессалии. Калимера, дорогие мои друзья – Калимера. Проехав на автомобиле, правда, в качестве пассажира, несчётное количество часов, понимаешь, что шея у тебя не металлическая и позвонки все сильнее дают понять, что пора бы и честь знать. Глаза уже сами собой закрываются, и голова либо опрокидывается назад, либо падает на грудь. Но вдруг на горизонте замелькали величественные силуэты странных скал! Уверяю вас – ни одна фотография или описание великого мастера пера не сможет передать то чувство, которое охватывает тебя, когда Метеоры появляются перед усталыми глазами. Потрясающая мощь природы, и немой восторг, и восхищение красотой этих мест, и изумление перед неисчерпаемыми возможностями человеческими. Семейство монастырей Метеоры, на мой взгляд, самый большой монастырский комплекс на территории Греции. (Я, правда, не был на горе Афон, поэтому сравниваю только с доступными простому туристу местами.) Само слово «Метеор» переводится с древнегреческого языка как «парящий в воздухе» или «небесный». Как нам рассказали местные жители, монастырский комплекс состоял аж из 24-х монастырей, расположенных исключительно на вершинах скал. Он прекрасно существовал до XVII века. Однако сейчас действуют только четыре мужских: «Великий Метеор», «Святого Николая Анапавсаса», «Варлаама», «Святой Троицы» и, что удивительно, два женских: «Русану» и «Святого Стефана». Лично у меня в голове до сих пор не укладывается, каким образом, православные монахи в средние века, не имея какого-либо альпинистского снаряжения, не только взбирались

на эти отвесные скалы, но и поднимали землю, строительные материалы, чтобы возводить свои монастыри как можно ближе к богу! Откуда вообще взялись здесь эти отвесные и неприступные скалы? Порывшись на просторах интернета можно прочесть, что миллионы лет назад на этом месте было море. А впоследствии геологические процессы преобразовали этот район, и суша поднялась над морем. Сначала монахи отшельники ещё в далёком девятом веке нашли себе убежище в пещерах этих удивительных скал. Одно столетие сменяло другое, монахи со всех концов Греции и с других стран прибывали в эти удивительные места с тем, чтобы проводить дни и годы в молитве и служении богу. Лишь через пятьсот лет после прихода первых поселенцев, афонский монах Афанасий и его последователи начали строить монастырь Преображения Господня, причём выбрали для этого самую высокую скалу, не много не мало, а 600 метров над уровнем моря. Уже прошло несколько лет, как я покинул Грецию, но у меня до сих пор стоит перед глазами вид монастыря, парящего над всеми скалами и окружённого глубокими пропастями. Что ещё врезалось в память — там ни в одном монастыре нет колоколов, только деревянные била, а вот почему — догадайтесь сами, я вам на сей раз подсказывать не буду.

ЭВЗОНЫ!

Да-да, именно так, с восклицательным знаком. У нас же в русском языке нет знака «восхищения». В каждой уважающей себя стране есть роты почётного караула. Даже у тех стран, которые считают, что им армия совсем не нужна, всё равно такие роты есть. Смена караула у королевского дворца, парламента или у мавзолея неизменно собирают толпы зевак и ротозеев. Красивые мундиры, начищенные до блеска пуговицы, эполеты неволью пробуждают в нашем сознании давно ушедшие времена. Однако есть страна, где караульные не носят ярких мундиров, но, на мой взгляд, именно там самые лучшие солдаты РПК. Один раз увидев этот безмолвный спектакль, вы уже никогда не забудете.

дете его. И так, мы с вами в Афинах, столице Греческого государства. Калимера, дорогие мои читатели, калимера. Эти военнослужащие такой же национальный символ страны, как и знаменитый Акрополь. Открытки и магниты с их изображением можно купить в любой туристической лавке. Конечно, сейчас их служба сугубо церемониальная, но раньше в военных схватках эвзоны проявляли удивительное мужество и стойкость. Форма караульных солдат состоит из множества элементов, каждый из которых имеет значение и свою историю. Лично меня поразило наличие юбки-фустанеллы и большие помпоны на ногах. Наличие юбки на солдате, теоретически, объяснить как-то можно. Носят же шотландцы свой килт. Думаю, что бегать по пересечённой горной местности в ней весьма удобно. Но вот помпончики на башмаках солдат выглядят просто забавно. Однако польза от этих предметов все же есть. Называются эти штуки знаете как? – «царухи». Похожую обувь носили крестьяне на севере Греции начале XX века. Обувь для повседневной жизни, конечно, была без каких-либо украшений, а вот на праздники к этим самым царухам крепили пучки шерсти чёрного цвета. Для детей малых шерсть красили яркими разноцветными красками. Во времена борьбы турками помпонам нашли практическое применение. Оккупанты запрещали грекам носить любое оружие, поэтому повстанцы, спускаясь с гор в населённые пункты, прятали остро заточенные лезвия в пучках шерсти, в носовой части царух. После победы из самых лучших партизан сформировали отряды пехоты. Вот тогда крестьянская одежда взяла да и превратилась в военную форму. Работа по пошиву такой обуви – кропотливое занятие. На одну пару уходит целых пять дней. Все производство только вручную и по особой технологии. Вы будете смеяться, но самый маленький размер обуви – 45-й, а самый большой – 53-й. Почему? Да потому, что в это элитное подразделение берут только очень рослых парней, не ниже 187 сантиметров. Форма у эвзонов тяжёлая и тёплая. На мой взгляд, в такой форме просто стоять и то трудно, а маршировать, так это вообще подвиг! Афинская жара сорок градусов в тени. А у них – двойные шерстяные чулки,

килограммов по пять каждый ботинок, шапочка-феска. Это вам не туристическая панамка! И никто из них не получает тепловой удар. Почему? Да потому, что здоровье у эвзонов – железное! Теперь понятно тебе, дорогой мой читатель, почему я и поставил восклицательный знак в заголовок этого репортажа.

ОСОБЕННОСТИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

И не сказать, что греческий язык такой уж трудный, нет. Но вот соотносить произносимое с написанием – это караул. Аллес капут пополам с аллес гемахтом. Без привычки дело, кажущееся совершенно безнадёжным. На первый взгляд (а за 8 дней этот самый взгляд вторым не стал, далеко дело не продвинулось), греческий алфавит – хитрючая смесь из знакомых кириллических, знакомых латинских и незнакомо-оригинальных символов во множестве, порой, лапидарных, порой, совершенно невообразимых комбинаций. Означенная «калимера» – это ещё легко прочесть, дело некоторой догадливости – «κάλιμερα». А если попадается что-нибудь эдакое? Вот, например, такое: «τηλεοραση»... Все, беда, мозг отказывает в поиске ассоциаций. Шарادا. А написано всего-то навсего «телевизор». Любимое слово, существенно обогатившее внутрисемейный лексикон, пишется так: КОТОПОУЛА. Вот даже не буду голову ломать, как оно там на самом деле произносится. Факт, что этот забавный термин, прочтённый нами, как «котопойло» означает, что перед вами, уж простите, «курожрайло» – то есть, заведение, в котором можно отведать курочку. Как минимум, гриль. Собственно, наше «котопойло» и переводится с греческого, как «курица», и теперь мы эту милую домашнюю птицу иначе не называем.

СКАЗ О САМОМ ЗАСЛУЖЕННОМ СОЛДАТЕ

Хочу поведать вам, дорогие мои читатели, на сей раз не об очередном царе-батюшке и даже не о заслуженном генерале или полководце. Расскажу я вам сегодня о простом русском

солдате. Имя которого за давностью лет все позабыли, а если честно, то и не помнили вовсе. Сколько таких солдат было в русской армии, разве всех упомнишь. Его называли солдатом трёх императоров, а все потому, что мундир этого человека был совершенно уникальным — на его погонах причудливо переплелись вензеля трёх русских государей. Именно стольким помазанникам божьим присягал этот солдат. Судьба отмерила служаке удивительно долгую жизнь, ходил он по грешной земле целых 107 лет, из которых более 60 лет состоял на действительной военной службе в самом почётном звании — солдата. Рукава его выцветшего и потёртого мундира украшали поблёкшие от времени, но все ещё переливающиеся на солнышке восемь рядов золотых и серебряных нашивок. В те стародавние времена таким образом отмечалась выслуга лет и отличия в боевых действиях. Имелись у него также едва уместившиеся на впалой груди 23 креста и медали.

Родился солдат в Симбирской губернии Курмышского уезда в конце восемнадцатого века, а именно 1785 году. Был он из семьи из кантонистов, то есть по-простому, по-нашему — солдатский сын. Эти самые кантонисты, кто не знает, со дня рождения числились в списках военного ведомства. За год до начала войны с Бонапартом он был определён в полк в должности музыканта. Однако вместо парадных маршей солдат прошёл с боями от начала до конца всю Отечественную войну. Был зачислен в состав лейб-гвардии Павловского полка. С этим полком и пошёл драться с турками в войне 1828–1829 годов. В 1836 году солдат выслужил положенные ему по закону 25 лет, однако из армии уходить не решился. В 1843 году, в возрасте 58 лет старый вояка был направлен воевать на Кавказ. Что удивительно, солдат при этом получил персональное задание, а именно — используя незаурядный военный опыт, всемерно учить молодое поколение наводить, укреплять и разводить понтонные мосты на «быстрых местных реках». По прибытии на театр военных действий наш герой попал в прославленный Нижегородский драгунский полк. Вместо обучения новобранцев

в спокойных дальних гарнизонах он вместе со своим полком попал в самое, что ни есть, пекло. Был трижды ранен: дважды в обе ноги и в шею навывлет. Тяжело раненого и неспособного двигаться горцы его пленили. Однако, чуть оклемавшись, он убежал из плена. Ясное дело, что за простого солдата выкупа предложить было некому. Ему исполнилось 64 года, наш герой сдаёт необходимые экзамены и по их результатом получает самый малый офицерский чин. Но менять свой потёртый солдатский мундир на офицерский старый вояка категорически отказался. Не стал даже нашивать и полагающиеся ему эполеты. Заявив во всеуслышание, что ему более самой жизни дороги солдатские погоны. Командиры этого поступка не поняли и через два года спровадили солдата-офицера в отставку, заявив, что 40 лет действительной службы более чем достаточно, да и возраст 66 лет, знаете ли. Прошло совсем немного времени, и Россия вступила в Крымскую войну. И что же вы думаете, отставной солдат тут же оказался в рядах Казанского егерского полка. Участвовал в боях на Корниловском бастионе, в самом пекле Севастопольской обороны. Здесь его в очередной раз ранило разорвавшейся бомбой. По личному указу императора Николая, после излечения его перевели в гвардию. Прошло ещё десять лет. Наш заслуженный ветеран подаёт прошение на высочайшее имя с просьбой соизволения государя отправляться на очередную войну. На этот раз в действующую армию, в Туркестанскую конноартиллерийскую бригаду в должности фейерверкера первого класса. Солдату шёл 78-й год. Целых двенадцать лет служил фейеркер в Средней Азии, участвовал в боях за Туркестан и Самарканд. В составе отряда под командой генерал-адъютанта Кауфмана совершил тяжелевший марш через пустыню на Хиву. Закончилась война в Средней Азии, пошёл воевать против турецкого ига, помогая братьям славянам, восставшим в Сербии и Черногории. Не успел закончиться этот поход, как грянула русско-турецкая война 1877–1878 годов. 93-летний солдат оказался на знаменитой горе Шипке в составе 19-й конноартиллерийской бригады. Именно здесь от взрыва бомбы он лишился левой ноги, но выжил

и ещё послужил в лейб-гвардии конноартиллерийской бригады и дожил до 107 лет. Василий Николаевич Кочетков умер, как и подобает русскому солдату, в походе, будучи проездом в городе Белозерске, Новгородской губернии, 30 мая 1892 года, увы, не от пули или вражеской сабли, а от паралича сердца. Разбирая немного вещи ветерана, нашли копию приказа об увольнении в отставку с перечислением всех чинов, наград и походов. Этот список вместе с уважительным некрологом, в котором наш герой был назван самым заслуженным ветераном русской армии, был опубликован на страницах «Правительственного вестника». Не помним мы простых героев земли русской, а без их беззаветного служения матушке-Родине не было бы и нас нынешних!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Невыдуманные истории	4
От автора	5
Аму-Дарьинский вояж	6
Кабул-Ташкент-Москва	10
Взрывоопасная смесь	15
Команда «газы»	17
Алаверды заведующего складом	19
Стиралка из Хаваста	20
Учительские истории	24
«Сева»	24
Урок изобретательства	26
«Рашидовские» яблочки	28
Тысячный вариант	30
Гусиная охота	33
Монологи о моей рыбалки	38
Рыбалка на реке Тола, притоке Орхона	38
Рыбалка на реке Урюм	40
Сырная тарелка Франции	46
Особенности национальной итальянской кухни в местах общепита	52
Узбекский шарик – Курт	58
Мое знакомство с нестинарами	59
Хороша страна Болгария или вкус Кисло мякю	62
Метеоры или воспоминание о поездке в страну скал	64
Эвзоны!	65
Особенности Греческого языка	67
Сказ о самом заслуженном солдате	67

Александр Ралот

Байки старого мельника 2.0

Дизайн обложки Александр Ралот